

"Из сердца вырастает врач"

*Бухрашвили
Мая
Константиновна*

Мамайчик и все-все-все

Москва 2025

УДК 61
ББК 5Г

"Из сердца вырастает врач" Бухрашвили М.К.
Бухрашвили Мая Константиновна. Петлах В.И.
Мамайчик и все-все-все. Туманова М.В.

Надеемся, что прочитав эту книгу, люди поймут масштаб личности этой скромной, но сильной и целеустремленной женщины. Неравнодушного человека, жизненной миссией которого было служение людям и Отечеству. Замечательного «Доктора от Бога». Великолепного организатора. И.... очаровательной женщины, прекрасной своей внешней и внутренней красотой.

© Бухрашвили Мая Константиновна, 2025

© Туманова Марина Владиславовна, 2025

© Петлах Владимир Ильич, 2021

техн. вёрстка: Туманов М.П.
редактор: Голубовская М.В.

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

**”Из сердца растет врач и
высшей степенью врачевания
является любовь” Парацельс**

От составителя

Есть люди, которые всю жизнь стремятся стать известными. Они хотят, чтобы о них все знали, чтобы их узнавали, их лица постоянно мелькают на телевидении. А есть другие – им неинтересна публичность, они не любят говорить о себе. Они известны только в узком кругу профессионалов, где их уважают и любят. Но люди не вечны, а с их смертью уходит и память. Я думаю, что это неправильно и нечестно.

Поэтому мы и сделали эту книгу. Чтобы люди знали и помнили.

Моя мама, Мая Константиновна Бухрашвили, стала главным врачом 20-й детской больницы им. К. А. Тимирязева в 31 год и проработала там до 83 лет. На протяжении многих лет она была самым молодым главным врачом, а потом долгие годы – самым старшим. Когда ей исполнилось 70, она написала заявление об уходе на пенсию, но глава департамента здравоохранения сказал, что если она уйдет, то он закроет больницу – ее детище, и она осталась. И

проработала еще 13 лет, преобразовав больницу в НИИ Неотложной Детской Хирургии и Травматологии. В этом году маме исполнится 94 года. Порой, когда молодые доктора слышат ее имя, они спрашивают, а кто это?

Вот мы и хотим рассказать – кто это.

Я имею на это право, поскольку с шестилетнего возраста вся моя жизнь связана с 20-й больницей. Я выросла в ней. Маленькой девочкой я сидела на справках, помогая принимать передачи для детей, потом работала санитаркой, медсестрой, а затем и врачом. Работаю и по сей день. В этом году 40 лет. Я знаю всех, кто вошел в историю нашей больницы.

Нужно сказать, что воспоминания мамы были записаны несколько лет тому назад, и многие люди, о которых она рассказывает, уже ушли в лучший мир. Но я хочу, чтобы о них знали и помнили.

В первую главу книги вошли мамины воспоминания и фрагмент буклета, изданного к 100-летию больницы, текст к которому написала мама.

Во вторую главу, с любезного разрешения Владимира Ильича Петлаха, который долгие годы был заместителем главного врача по лечебной части, мы поместили его статью к 90-летию мамы, опубликованную в журнале «Вестник детской хирургии анестезиологии и реаниматологии».

Третья глава – это мои воспоминания о больнице, о маминых сослуживцах, друзьях детства и юности.

Эта книга возникла благодаря давнему другу нашего дома Ирине Медведевой, которая не только записала мамины воспоминания, но и написала к ним вступительное слово. Моя благодарность Ирише не имеет границ!

Я также очень признательна Ольге Витальевне Карасевой, заместителю директора по науке НИИ НДХиТ, которая очень помогла нам в трудные времена и подтолкнула меня к изданию этой книги.

И особая благодарность моему мужу Мише – не только за то, что терпит меня всю жизнь, но и за то, что полностью взял на себя труд по оформлению этой книги.

«Из сердца вырастает врач»

**Воспоминания Маи Константиновны
(записанные Ириной Медведевой)**

Как много тех, кто оставляет в жизни след, подобный едва заметной точке, не осознав ни цели, ни своего предназначения. Как мало тех, чья жизнь подобна восклицательному знаку, тех, кто живет не сиюминутными

проблемами, а посвящает себя служению людям. Эта небольшая книга – результат бесед с уникальным человеком, Маей Константиновной Бухрашвили. Ее имя знакомо огромному количеству людей, имевших счастье быть ее коллегами, пациентами и друзьями.

Перед вами не просто истории, рассказанные выдающимся врачом, который отдал более 50 лет лечению маленьких пациентов и спасению детских жизней, это рассказ невероятной женщины, столь изящной и хрупкой, что хочется ее защищать и оберегать. Но за внешней хрупкостью скрывается несокрушимая воля и сильный характер

Пять десятилетий – это не просто время работы главным врачом в детской неотложной

хирургии, но и эпоха преобразований: создание современного медицинского комплекса, внедрение передовых технологий и формирование команды врачей-единомышленников, влюбленных в свое дело.

Мая Константиновна – продолжатель великих традиций российской детской хирургии и травматологии, воспитатель нескольких поколений врачей самых разных специальностей. Ей удалось собрать в больнице уникальный коллектив и создать удивительную атмосферу, в которой каждый чувствовал плечо друга и был частью большой семьи.

Но главное достоинство Маи Константиновны – невероятная скромность и душевная теплота. Она Человек с большой буквы, бескорыстно делящийся своей энергией и любовью как с маленьким пациентом, так и с коллегами. В современном мире, где мерилом успеха стало материальное благополучие, бескорытность – большая редкость. Мая Константиновна ни от кого не ждет благодарности, она просто делает свое дело, делает с открытым сердцем и от души.

Ирина Медведева

Вступление

Мы очень легко забываем историю, даже самую близкую, когда зачастую еще живы свидетели событий. Появляются новые имена и затмевают все, что было до них. Это довольно распространенное и весьма непривлекательное свойство человеческой натуры – ценить только сделанное тобой лично и замалчивать достижения предшественников.

Мне повезло найти свое призвание, свое любимое дело в ранней молодости. Ведь призвание – это когда человек с полной самоотдачей реализует себя и обретает смысл жизни. Выбрав однажды свой путь, я шла по нему, не сворачивая и не виляя. Мне повезло и в том, что на этом пути меня сопровождали уникальные люди, талантливые профессионалы, энтузиасты и подвижники. Вместе мы продолжили славную историю, подхватив эстафету предыдущих поколений. Об этом мне и хочется рассказать.

Корни

Мой папа, Константин Михайлович Бухрашвили, родился в 1902 году в красивейшем городе Тифлисе. Семья у него была очень интересной, а тетка слыла первой красавицей города.

О родителях папы известно немного. Вроде бы они были родом были из Гори и знали семью Сталина

(Джугашвили). Но моя мама, Анастасия Яковлевна, рассказывала об этом лишь мимоходом.

Моего отца мама отбила у своей подружки Шуры. Тетя Шура, или Александра Игнатьевна, потом вышла замуж и обиды не держала. Мы всю жизнь дружили семьями. Еще в детстве она мне говорила: «Мать-то твоя отбила у меня Костю». Отец был очень красивым мужчиной, на него барышни всегда засматривались.

После того, как они с мамой расписались, отца почти сразу перевели в город Новохоперск Воронежской губернии. Он был одним из «двадцатипяти тысячников» — многочисленного отряда рабочих крупных городов России, которых партия направила в деревню реализовывать план Ленина по коллективизации страны. И, хотя мама была коренной

москвичкой, она последовала за отцом, не задумываясь. Там я и родилась, а после моего рождения мама вернулась в Москву, потому что жить с ребёнком в столице было намного проще. Зарегистрировали меня напротив Павелецкого вокзала, а метрику выдали в Кировском районе. Жили мы тогда на Новокузнецкой улице в доме №30.

Мама работала с утра до ночи, поэтому, как очень многие дети тех лет, я ходила на пятидневку в детский сад № 22 на улице Землячки. Садик был от маминого завода, и одно из самых ярких впечатлений того времени – поход на завод с группой детсадовских детей на встречу с Иваном Папаниным, героем

страны живой легендой нашего детства, бесстрашным исследователем Арктики.

Переполняемые волнением и гордостью мы читали ему стихи, а он в благодарность подарил нам коробку конфет – вишню в шоколаде! Это было целое событие!

Садик я не особенно любила.

Во время прогулок, как только воспитатель отвлечется, убегала в наш двор – там были все мои друзья! Мне кажется, что с самого раннего возраста я

была самостоятельной. Интересно, что и моя дочка Маришка, когда была маленькой, не любила детский

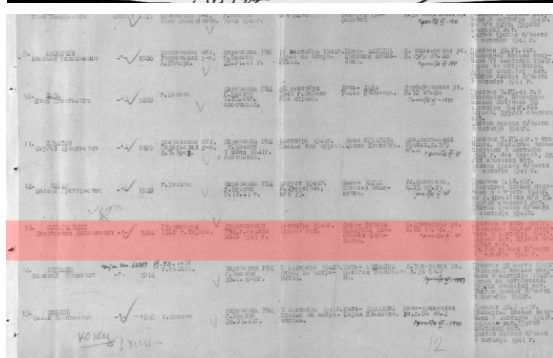
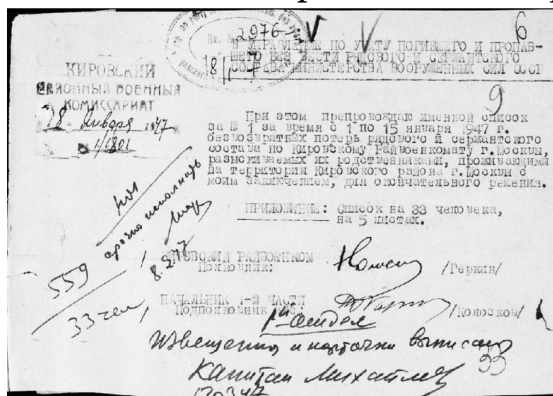
сад и упрашивала воспитателей отпустить ее домой к бабушке.

Ещё одна интересная деталь детства – в садике меня назначили санитаркой. Относилась я к этому очень ответственно, но дома почему-то не рассказывала, это был мой секрет. И вот мама, увидев, что я собираю в садик бинтики и ватки, положила мне с собой еще какие-то медицинские штучки. Кто бы мог тогда подумать, что я стану врачом?

Из друзей раннего детства помню Сашу Лихарева, который ходил со мной в одну группу. Сохранилось фото праздника, где мы стоим рядышком. Совсем крохи.

И вот, спустя десятилетия, иду по Новокузнецкой, в руках огромная коробка – подарок любимому внуку Мишуне, очень спешу. Вдруг вдалеке замечаю мужичонку, который переходит дорогу, и что-то мне в нем показалось до боли знакомым. Почему из всех прохожих я увидела именно его? Загадка. Через мгновение поняла – это Сашка Лихарев! Очень захотелось остановиться и поговорить с ним, расспросить, что да как. Но я страшно не люблю опаздывать, поэтому, не замедляя шага, дошла до конца квартала и тут поймала себя на мысли: сейчас поверну за угол – и все, пройду мимо своего детства. Оборачиваюсь, а он стоит и смотрит мне вслед. Но я так и не подошла, побежала к дочке и внуку. Наверное, зря...

Закончив работу в Новохоперске, папа вернулся в Москву. Жили мы тесно, пять человек в малюсенькой комнатке. Не знаю, как и почему, но папа ушел от нас. Наверное, у него появилась другая женщина. До самой войны он помогал маме и не терял связи со мной, мы вместе гуляли, ходили в зоопарк, в цирк. А как только началась война, его призвали в армию, и почти сразу, осенью 1941 года, он пропал без вести. Несколько лет назад, когда был опубликован Подольский архив, мой зять нашел в нем запись о том, что отец был призван на фронт в июле 1941 года, а с октября 1941 считается пропавшим без вести. Последнее письмо от него пришло в сентябре.

После гибели отца нас всю жизнь поддерживал мамин брат Борис. Он помогал не только материально деньгами, он стал для меня настоящим вторым отцом.

С ним всегда было легко. Дядя Боря искренне интересовался моей жизнью, как я учусь, с кем дружу, понимал все мои боли и радости. Первым, кто узнал о том, что я собралась замуж, был именно он. Позже, когда у меня родилась Маришка, он поддерживал мою новую семью. Своих детей у дяди Бори не было. Он женился на женщине, у которой уже был

двенадцатилетний сын.

Дядя Боря и тетя Дуся в день свадьбы

Что и говорить, подростку в переходном возрасте сложно принять чужого человека в качестве отца. А дядя Боря считал мальчика своим сыном и старался сделать его счастливым. К сожалению, даже став взрослым,

приемный сын этого не оценил. Он уехал на Север и порвал все связи с матерью и отчимом. Тетя Дуся была очень строгой, временами даже жестокой. Наверное, поэтому у них не сложилось нормальных отношений. Когда она ушла из жизни, сын пытался отсудить у отчима все имущество. У дяди Бори тогда случился инфаркт. Вот такая дикая история.

О родителях мамы я знаю гораздо больше. Мой дед по материнской линии Яков Емельянович Захаров был главным электриком фабрики Павловского Посада, а бабушка Арина была его второй женой.

От первой жены, которая рано умерла, у деда было трое детей – Алексей, Александра и Мария. Вторую жену, мою будущую бабушку Арину, дед встретил в приюте, когда той было лет 17-18. Кто знает, каких она кровей? Известно только, что в приют у Яузских ворот принимали детей из семей не простых и не бедных.

В этом же приюте воспитывалась Александра Игнатьевна, молочная сестра моей бабушки, у них с бабушкой в младенчестве была одна кормилица.

Первый день войны я встретила в семье Александры Игнатьевны. Мама иногда отправляла меня на побывку к родственникам, я и сама очень любила у них бывать. Они жили на Садовом Кольце. Люся, дочка Александры Игнатьевны, прекрасно играла на пианино.

Старший сын деда, Алексей, погиб в революцию, сражаясь на стороне большевиков. А дочь Александра прожила долгую жизнь и умерла в 1945 году, в самом конце войны. В молодости она была удивительно красивой. В Первую мировую Александра была сестрой милосердия, а ее муж, дядя Костя, был офицером царской армии и воевал на фронте. Когда я родилась, этот в прошлом красивый и статный офицер уже с трудом передвигался на костылях, а чаще всего сидел или лежал. У него были проблемы с позвоночником.

Дядя и тетя жили в Скатертном переулке в доме №7. Это был совершенно необыкновенный дом: на второй этаж прямо с улицы вела лестница, а перила и ступеньки были обиты бархатом. После революции квартиры превратили в коммуналки, в каждой из которых проживало до 20 человек.

В школьные годы я очень любила проводить там время, особенно во время каникул. Все соседи были удивительно дружными – восемь семей с детьми жили как одна большая семья, постоянно организовывали общие игры, ставили спектакли.

Тетя Шура с мужем усыновили мальчика из Рыбинска, который очень долго не подозревал, что он неродной. Когда в 1945 году он вернулся с фронта, родителей уже не было в живых.

Для переоформления комнаты в коммуналке ему потребовались документы о рождении. Дома метрик не оказалось, и Шурик направил запрос в Рыбинск. Только тогда он узнал, что его усыновили и очень расстроился. Он почему-то решил, что усыновленного ребенка его большая семья не признает. Но мы-то, в отличие от него, всегда это

знали, и никто из нас не задумывался, родной он нам или нет. Шурик, человек, прошедший войну и видевший много горя, очень страдал, что в юности был часто неласков и дерзок по отношению к маме. Как поздно пришло прозрение... Я до сих пор поддерживаю связь с его дочкой, стараюсь помочь, чем могу. У нее выросли двое мальчишек.

Вторая дочь моего дедушки, Мария (Манюньчик), была очень интересной дамой, большой озорницей, прекрасно пела и очень хорошо шила. Летом 1941-го мама отправила меня к ней во Владимир. Если быть точнее, то в самом начале войны, нас, детей, собрали и отправили подальше от Москвы – на барже под Бронницы. Очень хорошо помню, как мы долго шли маршем до баржи, а потом долго плыли вдоль реки. Поселили нас в небольшом

селе, мое спальное место было на сцене сельского клуба. Каждый вечер раздавался звон – стучали о железку, это значило «тревога»!

В 2014 году произошла совершенно удивительная встреча. Одна из моих подопечных в Совете ветеранов в разговоре упомянула, что девочкой была в эвакуации под Бронницами. Оказалось, накануне войны мы жили с ней по соседству (она – в Строченовском переулке) и эвакуировались из Москвы на этой барже. Как же тесен мир!

Через какое-то время мама забрала меня из Бронниц и отвезла к Манюньчику во Владимир, а сама вернулась в Москву, где работала на заводе имени Орджоникидзе фрезеровщицей. У мамы был самый высокий разряд, седьмой. Она была стахановкой, давала повышенную норму выработки.

Манюньчик жила во Владимире около Золотых ворот. Работала в ателье и заведовала филиалом в селе Боголюбово, рядом с которым находится храм Покрова на Нерли. Но тогда мы не обращали внимания на церкви.

В Боголюбове на месте, где был убит князь Андрей Боголюбский, построена церковь. Много лет спустя я снова оказалась там и вспомнила, как провожала маму до церкви, помогла ей донести сумку и – бегом к подружкам. Какая же я была несмышленная! А мама смотрела мне вслед и думала:

«Увидимся ли еще?», ведь уезжала она в Москву, которую постоянно бомбили.

У Манюньчика я прожила недолго, но начало 1941-го учебного года помню хорошо. Школьный учитель Николай Эрастович пригласил эвакуированных детей к себе домой заниматься. Сентябрь и, наверное, часть октября мы приходили в его комнату в

**Единственная сохранившаяся
фотография Манюньчика**

коммуналке, расаживались за огромным овальным столом и начинался урок. Но соседи сказали, мол, если дети ходят к ним в квартиру, пусть ходят не просто так, пусть каждый приносит по полену на отопление общей площади. Вот так наша «школа на дому» и закрылась.

В начале войны мамин завод эвакуировался из Москвы в Удмуртию, в город Сарапул. Она, конечно, поехала. А вскоре и мы с Манюньчиком отправились за ней, ведь Владимир стал совсем небезопасным, с начала осени начались налеты и бомбежки. Две недели мы ехали на поезде. Нашли дом, который

мама указала в письме, а старик-сосед с необычным именем Гилька Нотович, сказал, что она уже давно уехала обратно в Москву. Что же делать? Отправиться вслед за мамой мы не могли – для въезда в город был необходим именно пропуск. Так мы застряли в Сарапуле, в том самом доме, где до нас останавливалась мама. Там же я закончила третий класс, а осенью за мной приехала мама.

В Москву мы возвращались в теплушке. Причём каждый раз, когда проверяли документы, мама прятала меня под собой, буквально сидела на мне, чтобы контролеры не заметили. Разрешения на мой въезд в Москву у мамы не было.

Интересно, что пока мама с заводом находилась в Сарапуле, в нашу квартиру заселились чужие люди. И если бы мама не вернулась и не предъявила права на квартиру, мы жили бы совсем в другом месте. Возможно, и судьба моя не была бы связана всю жизнь с Замоскворечьем.

В Москве мы пережили всю войну. Каждый вечер жители Замоскворечья приходили на ночлег на будущую станцию метро Павелецкая-кольцевая, строительство которой с началом войны было приостановлено. Глубокий подземный вестибюль надёжно укрывал от бомбёжек, но спускаться вниз приходилось по деревянной лестнице, очень неудобной и опасной. Ширина ступенек была минимальной – в одну дощечку, и идти по ней, даже

мне, девочке, приходилось на цыпочках. Каждый раз, спускаясь по бесконечным деревянным ступенькам, я боялась, что упаду. Вдоль станции и в туннеле были устроены нары. Там постоянно находился дежурный от нашего дома по ул. Новокузнецкая, 30. Подушки и матрасы мы оставляли на нарах, чтобы каждый вечер не спускаться с постелью по опасному настилу. В конце 1942, когда Москву перестали бомбить, необходимость ночевать в бомбоубежище отпала, а в 1943 в Москве уже было относительно спокойно.

Карточки

Хлеб во время войны все москвичи получали по карточкам. Как правило, их отоваривали с запасом – за 2-3 предыдущих дня на 2-3 дня вперёд. Мы с мамой получали хлеб в булочной №283 на углу Вишняковского переулка и Новокузнецкой улицы. Стояли долго. Даже если на руке был написан номер очереди, скажем, третий, это не означало, что сегодня ты получишь хлеб. В первую очередь хлебом обеспечивали госпиталь, детские ясли и садик, социальные учреждения, а потом, что оставалось, выдавали по карточкам. Мы, конечно, не стояли в очереди все время – убегали во дворы и играли в «штандр» или какую-нибудь другую игру, потом прибежали узнать, не привезли ли хлеб, и бежали обратно. На руке у каждого был написан номер очереди. Мне кажется, во время войны эти очереди за хлебом не заканчивались никогда.

Нормы были такие: иждивенцам в день было положено 300 грамм хлеба, детям – 400, на рабочую карточку давали 550. Мама моя была донором, поэтому у неё была карточка «Д», по которой ежедневно к рабочей норме добавляли 50 грамм хлеба. Карточку донора можно было отоварить в специальных магазинах, например, в сороковом гастрономе на Кузнецком мосту. В годы войны доноров было очень много. Благодаря им было спасено огромное количество жизней. Донорство поощрялось, в том числе, с помощью выделения дополнительного продовольственного пайка, в который входили мясо, сахар, жиры и крупа.

В проезде у Павелецкого вокзала был рыбный магазин, и мы с подружками ходили туда помогать с учётом отрывных талончиков от карточек – наклеивали их ровными рядами на листы бумаги. За карточками был строжайший контроль, а рабочих рук в магазинах не хватало. Те, кто помогал в магазине, не стояли в очереди, это и было нашим вознаграждением за помощь.

Картошку, свеклу и молоко можно было за деньги купить на рынке. Наш Зацепский рынок располагался на площади перед Павелецким вокзалом. После войны там появились семечки, и мы после школы специально шли домой через рынок, покупали один стакан на всех, предварительно перепробовав семечки у разных продавцов. И никто

из них нас за это не ругал. На Дубининской улице тоже был рынок, где торговали не только продуктами, но и всякой всячиной.

Двор и школа

Можно сказать, меня воспитал двор. Мама, как большинство послевоенных матерей-одиночек, работала от зари до зари. Для меня двор был естественной средой обитания. Мы настолько сдружились, что пронесли нашу дружбу через всю жизнь. С теми, кто жив, я общаюсь до сих пор. А уж поздравить каждого с днем рождения – святое дело! Компания мало менялась, иногда кто-то переезжал,

вместо него появлялись новые друзья-соседи. Пока школу не разделили на женскую и мужскую, мы учились все вместе. С утра гурьбой на уроки, потом –

во двор. Нам не было скучно, игр было великое множество, весёлые, шумные, с беготнёй и мячом,

качели, прятки, чего только мы сами ни придумывали.

Общими были игры, интересы, занятия, даже карманные деньги, и те тратили всей компанией. Набегавшись по двору, отправлялись на «водопой» – скидывались по две-три копейки, у кого сколько было, и бежали к лоткам, где продавалась газировка с сиропом. Если были «при деньгах», ходили на рынок за семечками.

Чего между нами не было, так это предательства. Всякое случалось во время игр, но когда взрослые спрашивали, кто разбил окно или сотворил еще что-то подобное, ответ был один: «Не видели, не знаем».

И это не считалось враньем. Это было настоящей дружбой.

Понятия чести, дружбы, верности воспитывались во дворе и в школе. У меня с детства было какое-то обостренное чувство справедливости и неумение врать. Учитель начальных классов Соломон Григорьевич любил повторять: «Больше всех люблю Маечку. Никогда не соврет!»

Одним из моих любимых занятий в школе был драмкружок. Мы ставили пьесы и сценки на русском и немецком, готовили концерты.

В одной из сценок на немецком у меня была роль. И снова я играла врача. До сих пор помню по-немецки все слова своей роли. Из русской классики

особенно запомнился спектакль, который мы ставили в классе по «Женитьбе» Гоголя.

С немецким у меня были непростые отношения. На первых порах учительница немецкого мне очень нравилась – она сумела сделать изучение этого сложного, особенно после войны, предмета интересным и запоминающимся и, видимо, неплохо нас учила.

Как-то летом маму направили от работы на лесозаготовки. Это было время, когда никто не спорил – надо, значит, надо! Мама взяла меня и двух моих подружек с собой. На заготовках работали и пленные немцы. Мы с подружками пели там песни на немецком и даже могли кое-что сказать. Но потом, в старших классах, эта учительница сделала какую-то гадость.

Какую именно, сейчас не помню, но это настолько отвратило меня от немецкого, что всё, что мы выучили поначалу, помню, а дальше – пустота. Удивительное событие произошло много лет спустя, когда я уже работала главврачом. К нам приехал хор из Германии. Одним из номеров концерта была

песня, которую я хорошо помнила еще со школьных

лет. При первых звуках знакомой мелодии я почувствовала, как в душе у меня поднимается волна, а на глаза наворачиваются слезы. Я как будто вернулась в детство. Ощущение усиливалось тем, что одна часть хора находилась на сцене, а другая подхватывала мелодию, стоя в конце зала.

Соседи не делили детей на своих и чужих. Бывало, заиграешься во дворе, захочется пить,

постучишь, не

раздумывая, на

первый этаж: «Тетя

Леся, можно

попить?» А годы

были голодные, так

что тетя Леся не

только воды, но и

кусочек хлеба

принесёт, да еще и

спросит: «Тебе

солью или

сахарком

посыпать?». Дочка

тети Лели, Валя

Бубенцова, моя

верная подружка,

потом поступила в Плехановский институт, работала в

«Детском мире», много ездила по разным странам и

часто привозила нашим детям подарки – одному

курточку, другому кофточку, хотя у самой было двое

детей. Мы всегда заботились друг о друге. До сих пор стараемся, чем можем, поддерживать друг друга.

Мне очень повезло, меня окружали замечательные ребята.

Например, Егор Яковлев. Он был очень симпатичным мальчиком, жил через дорогу, до пятого класса мы ходили с ним в одну школу. С детских лет он был очень умным и одаренным. Если кто сейчас помнит, Егор долгое время был главным редактором легендарной газеты «Московские новости». Под его руководством газета, придуманная для гостей Олимпиады-80, стала рупором перестройки. В день выхода свежего номера «Московских новостей» к газетным киоскам выстраивались огромные очереди. В рабочем кабинете Егора Владимировича висел замечательный плакат «Отрицаешь – предлагай!» Этот было его кредо. Во время августовского путча 1991 года Егор уговаривал Горбачева сдаться. Интересно, он был такой влиятельной фигурой, таким известным человеком, а сейчас о нём вообще не слышно. Все забыли.

Другой, Григорий Орловский, долгое время работал в газете «Советская Россия», в 1980-е у неё был огромный даже для того времени тираж и популярность. Григорий был одним из столпов редакции, долго работал заместителем главного редактора.

Ещё один известный выпускник 529-й мужской школы – мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, восемнадцать лет (1992-2010) руководивший нашей столицей и, что бы там ни говорили, сделавший для всех нас так много!

Некоторые вырывались вперёд не благодаря, а вопреки обстоятельствам. С нами училась Вера Воронова. Она была очень робким и скрытным человеком, учителя ее любили, но одноклассников она сторонилась. Мы долго не знали, в каких тяжёлых условиях она растёт. Отец Веры был очень грубым, нередко жестоким, требовал безусловного повиновения. Вера любила учиться, не помню, чтобы она хоть раз пришла в класс с невыученным уроком. Именно за это ей сильно доставалось. Отец заставлял детей ложиться спать ровно в 9 вечера, и все обязаны были подчиняться. А Вера тайком вставала и продолжала заниматься. После школы ее семья переехала ближе к Кутузовскому проспекту, и мы о ней больше почти ничего не слышали. Знаем только, что она увлеклась иностранными языками и стала прекрасным специалистом.

С Володей Шустером, одним из друзей детства, с которым мы общаемся всю жизнь, связана очень симпатичная история, достойная сюжета какого-нибудь сериала. В первый день работы в конструкторском бюро начальник представил его коллективу: «Прошу любить и жаловать». И тут

одна из девушек пошутила: «Ну, жаловать – да, а вот насчет любить еще посмотрим!» Как оказалось, она буквально восприняла указание начальства – ребята поженились. Володя стал высокочеловеческим инженером.

Но жизнь у всех складывается по-разному. Не зря говорят: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

Как-то раз несколько мальчишек «на слабо», а может, чтобы поразить удалую девчонок, влезли в окно детского сада, находившегося по соседству. Зачем-то, скорее всего, для куража и по совершенной глупости, они стащили из садика какую-то мелочь – коробочки, украшенные камушками, ракушки и раздали «подарки» девчонкам. Представить, что за это можно попасть на нары, они не могли.

Что это было? Дурь? Конечно. Нужно ли было так их наказывать, большой вопрос. Тюрма мало кого делает лучше.

Однажды, когда я уже много лет работала в больнице, в кабинет заходит помощница:

– К вам просится Морозов.

Открывается дверь. Боже! Борька Морозов. Полуслепой, почти старик. Не знаю, что он в жизни делал, где оступился, но несколько раз сидел. Не могу судить, что и как, но в моей памяти он остался очень хорошим парнем.

– Мая, мне сказали, ты тут главный врач, помоги, у внучки беда!

– Конечно, Борь.

– Я знал, что ты не откажешь.

А сердце до сих пор болит. За что пострадали? Ведь первая выходка – чистое озорство. А уж потом жизнь распорядилась по-своему. Думаю, все могло быть у Бори иначе. Несправедливо...

Мальчишки наши были очень хорошими. Многие рано начали работать на радиозаводе недалеко от дома. Как-то они сделали каждой из нас по колечку – выточили их на станках из десятикопеечных монет. И мы гордые ходили с кольцами!

Во время войны, когда я училась в пятом классе, школу разделили на мужскую и женскую. Номер школы 529 оставили за мужской, а девочки ушли в 528-ую. Мне кажется, это было неправильно. С мальчишками мы старались хорошо учиться, быть элегантными, женственными, вести себя прилично, а когда остались в чисто девичьем коллективе, уже не сдерживались, носились по партам, даже дрались, в общем, хулиганили. Ведь никто за нами со стороны не наблюдал.

В женской школе у нас появилась новая учительница, Клавдия Максимовна Коваленко, которую между собой мы звали Макаренко. Она была

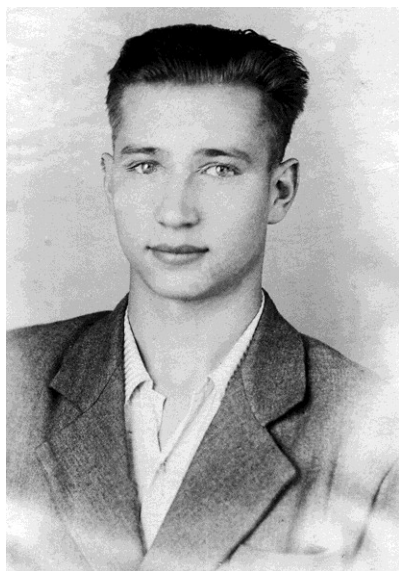
ученицей этого великого педагога, и каждое 10 апреля, в день его рождения, водила нас на его могилу. Во время войны Клавдия Максимовна организовала группу примерно из 20 человек, которая после уроков работала на швейной фабрике – мы помогали фронту и получали рабочие карточки. Это было хорошим подспорьем для семьи. Из школы мы шли в фабричный цех, где пришивали пуговицы на брезентовые комбинезоны летчиков и танкистов. В то время застежки-молнии на комбинезоны не ставили, зато пуговиц на каждом было великое множество. А еще мы вязали шарфы, носки и варежки для фронта. Я до сих пор могу легко связать любую из этих вещей.

Летом от этой же фабрики мы ездили в колхоз. За летнюю работу нам тоже давали карточки. Запомнился один из дней в колхозе. С утра каждой из нас определили по 9 грядок картошки, длинных-длинных, конца-края не видно! Я, как обычно, с энтузиазмом принялась ее окучивать и до обеда закончила шесть из девяти грядок. А вот после обеда силы куда-то пропали, я еле двигалась. Мне было стыдно, что я так подвожу коллектив. Но никто нас не ругал, если норма была выполнена не полностью. Дети войны были очень ответственными, взрослые нам доверяли.

Не стоит думать, что мы только учились и работали. Частенько с девчонками мы с ночи

занимали очередь у театральных касс, чтобы попасть на спектакль.

В юности наша компания разрослась – во двор стали приходить со всей округи танцевать, играть в волейбол и в совершенно забытую игру «флирт». А ведь она очень интересная. Все садятся в круг и передают друг другу карточки с изображениями цветов, произнося вслух их названия. На каждой карточке под цветком написан вопрос или утверждение, например: «Ты пойдешь сегодня со мной в парк?». Получивший карточку должен дать ответ, найдя цветок с подходящей подписью. Такие вот игры с переживаниями. После игр мы забегали домой, быстро мылись, переодевались и шли на улицу. На окно второго этажа Леня Австрийский выставлял свой проигрыватель и начинались настоящие танцы. Тут уж в нашем дворе собиралась вся Новокузнецкая. Между прочим, Австрийский – его фамилия. Леня был двоюродным братом Ирины Архиповой, всемирно известной оперной певицы. Маму Ирины Архиповой, Евдокию Матвеевну, я хорошо знала. ее все звали тетя Ду́ша, хотя обычно говорят Дуся. Ленина мама,

настоящие танцы. Тут уж в нашем дворе собиралась вся Новокузнецкая. Между прочим, Австрийский – его фамилия. Леня был двоюродным братом Ирины Архиповой, всемирно известной оперной певицы. Маму Ирины Архиповой, Евдокию Матвеевну, я хорошо знала. ее все звали тетя Ду́ша, хотя обычно говорят Дуся. Ленина мама,

Наталия Матвеевна, была сестрой Евдокии Матвеевны. Лёнька в юности за мной ухаживал. Я недавно была в гостях у его жены Валентины и, представляя меня детям, она сказала: «Вот, дети, Мая Константиновна – первая любовь Лёни».

В молодости я в себя не верила совсем. Мне казалось, что на меня никто не обращает внимания. Хотя, если подумать, относились ко мне всегда благожелательно, по-доброму. Ну, например, у многих моих подружек и в школе, и во дворе были прозвища, далеко не всегда приятные, а у меня до самых зрелых лет никаких прозвищ не было. В детстве мама меня ласково звала «мамулечкой», друзья и одноклассники – Маечкой, и только после того, как моя Мариша вышла замуж, появилось очень яркое прозвище – Мамайчик. Это коллективное творчество Маришиной семьи. Когда они с Мишей только поженились, я, забегая их поведать, старалась помочь, что-то сделать, где-то прибраться. О моих визитах они говорили: «Мамай приходил». А когда подрос мой любимый внук, он сказал родителям, что бабушка никакой не Мамай, а Мамайчик. Вот так, с лёгкой руки младшего Миши, меня многие теперь и зовут. Даже сегодня, если звонят из института, спрашивают: «Мамайчик, можно мы заедем?»

Выбор пути

После школы многие мои одноклассники пошли учиться в институт им. Плеханова, который находился недалеко от школы. Я же пошла своим путем. Решение поступать в медицинский институт пришло ко мне довольно необычно.

История эта началась после восьмого класса, когда мы были на экскурсии в Ленинграде. Там, на одном из мероприятий, организованных для групп, приехавших из Москвы, я познакомилась с курсантом Московского военно-артиллерийского училища, Володей Соколовым. Мы очень подружились и, вернувшись домой, ходили вместе в парк, гуляли по городу. Телефонов тогда не было, так что, когда хотелось пообщаться, мы ходили на свидания. Володя был взрослым, на целый год старше меня! После окончания училища он служил в Калининграде, и мы писали друг другу письма. все было очень романтично. Письма я хранила за подкладкой школьного портфеля, чтобы никто о них не узнал. Мама все время была на работе, поэтому почтовый ящик я проверяла сама. Эти чудесные письма мы потом тайком читали с моей подружкой Лидкой. Иногда Володя присылал стихи. Подумать только, все это происходило со мной, когда я еще не закончила школу! В один из приездов в Москву Володя обронил фразу: «Как бы я хотел, чтобы ты была врачом». Сказано – сделано!

К сожалению, первая попытка поступления в медицинский институт оказалась неудачной. Честно говоря, к поступлению я готовилась несерьёзно. В то время я увлеклась Драйзером и читала больше художественную литературу, чем учебники. Естественно, за сочинение я получила высокий балл, а другие экзамены сдала хуже. Конкурс на медицинский всегда был высоким, поэтому моих баллов не хватило, результат экзаменов был вполне предсказуем.

Пришла к институту смотреть списки поступивших, моей фамилии, конечно, нет. Стою расстроенная. Думаю, как жить дальше. К стендам со списками подходит молодой человек.

– Все нашли свои фамилии?

Несколько человек ответили, что их фамилий нет, в том числе, я.

И тогда, обращаясь ко мне, парень сказал:

– Ну, ничего, поработаете пока у нас на кафедре. А в следующем году обязательно поступите.

До сих пор не пойму, почему тогда он позвал работать на кафедру именно меня.

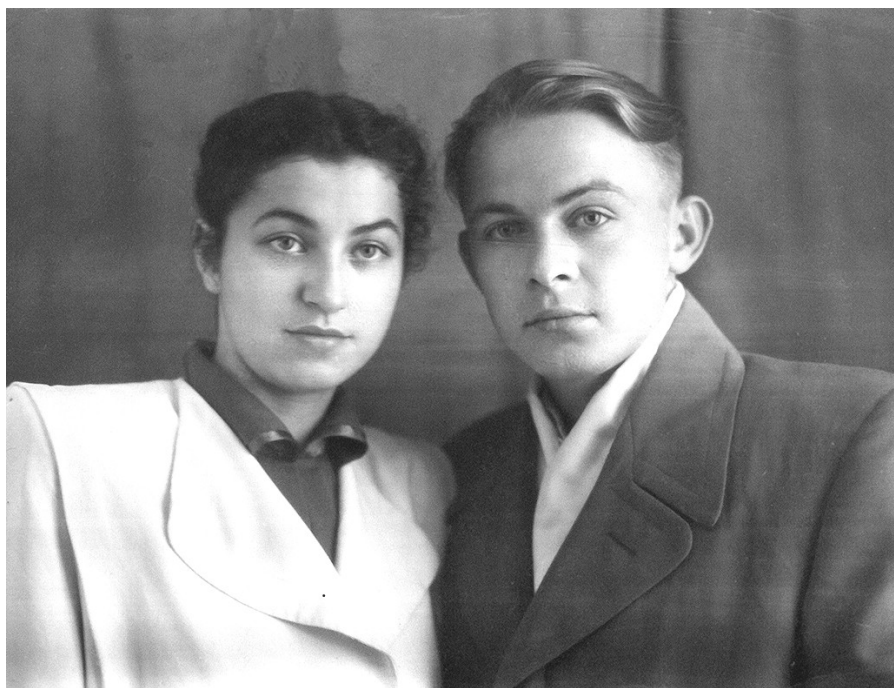
Так я стала лаборантом кафедры марксизма-ленинизма 3-го Медицинского института, который тогда находился на Большой Грузинской, 10. Должность моя почему-то называлась «препаратор». С тех пор в трудовой книжке есть запись «препаратор кафедры марксизма-ленинизма». Рационального

объяснения существованию должности с таким названием на далеко немедицинской кафедре нет.

На следующий год 3-й мед перевели из Москвы в Рязань (на улицу Маяковского).

Я была одной из тех, кто собирал институт в дорогу – паковала документы и оборудование, а потом последовала за ним на новое место жительства, но уже в качестве студентки первого курса. В Рязани я проучилась только год, а потом перевелась в Саратов – вслед за мужем.

С Вадиком мы познакомились в Москве, когда я работала «препаратором», а он уже был студентом-

В день свадьбы

медиком. Мы стали хорошими друзьями, у нас оказалось много общих интересов, нам всегда было о чём поговорить. Перед тем как уехать в Рязань (мне

поступать на первый курс, а ему продолжать обучение),

Владик сделал мне предложение и в новую жизнь мы отправились мужем и женой.

Свадьбы у нас не было, даже студенческой, мы просто расписались. Хотя один

Свёкры

невероятный по тем временам свадебный подарок я получила: свёкры приняли меня очень тепло и подарили воротничок из черно-бурой лисицы. Несколько

лет спустя мастер из нашего дома сшил мне под него пальто. А еще маленькое колечко с зеленым

камушком, которое свекр привез из Манчжурии с русско-японской войны для будущей невесты сына.

И вот, в первый день учебы, мой однокурсник Мишка Титов пришёл домой и сказал своей маме, тётё Вале: «Ой, мам, какая девчонка у нас! Я почти влюбился!». А через несколько дней сообщил ей, что «девчонка замужем». Потом тётя Валя очень полюбила нашу молодую семью и поняв, как нам, девятнадцатилетним, трудно организовывать быт, да и просто выживать, приглашала на обед каждый день.

Жили мы с Владиком на стипендию, на неё же снимали комнату, а когда после очередной сессии у меня не оказалось и этого, мы с мужем стали

заядлыми донорами и раз в месяц сдавали кровь. Тогда еще можно было сдавать кровь раз в 30 дней, а сейчас промежуток увеличили до 40.

Каждый день, когда после семейного обеда у тётё Вали мы шли домой, она в дверях говорила: «Маечка, Владик, завтра после института сразу к нам! Приходите, будут щи». Удивительные люди! А ведь работал в их семье только

дядя Миша, при этом тётя Валя умудрялась накормить всю ораву: мама, папа, трое собственных взрослых детей и наших два рта. Как же мы были слепы тогда, не понимали, насколько трудно им это давалось. И каждый день мы снова слышали: «Обязательно приходите!»

Семья Титовых

У меня дома до сих пор стоит бутылочка со святой водой, которую тётя Валя дала мне лет 20 назад. Такая вот память о ней у меня осталась. Всю жизнь, пока тётя Валя с мужем были живы, мы с Вадиком старались их навестить и побыть с ними день-два. И всегда они были нам очень рады. Казалось бы, чужие люди, но такие родные!

После года обучения в Рязани моего мужа приказом Министерства здравоохранения перевели на 3-й курс Второго медицинского института в

Москву, а за ним перевели и меня. Отучившись два курса в Москве, я снова поехала за мужем, которого на этот раз перевели в Саратов на факультет лётного дела

Военно-медицинской академии. Шестой курс я заканчивала в Москве,

в той же группе, с которой начинала учиться.

Такой получился петляющий путь к диплому. Зато с тех пор я быстро ориентируюсь

в материале. Из-за разницы программ каждый раз приходилось досдавать курсы, быстро осваивать большой объём информации. Запомнился экзамен по судебной медицине, который я сдавала, будучи беременной моей Маришкой. Я была очень худосочной, и экзаменаторы так и не поняли, что студентка,

препарирующая труп, ждёт ребёнка.

По окончании медицинского Владик был направлен старшим врачом авиационного полка под Горький. К этому времени у нас с ним уже росла

любимая Маришка. Мы с дочкой остались дома, я доучиваться, а она подрастать рядом с мамой. Владик приезжал к нам по выходным.

Однокурсник Владика Володя Пономаренко (Владимир Александрович) входит в число моих самых близких друзей. Сейчас это всеми уважаемый академик, 25 лет руководивший Институтом

космической медицины.

А в студенческие годы Володя жил один в общежитии. Ему не так повезло, как нам с Владиком – у него не было сердобольной тети Вали, которая бы его подкармливала. Пока Володя не женился, он был очень худым, но потом начал набирать вес в прямом и переносном смысле.

Володя Пономаренко

На пятом-шестом курсе Владика и Володю призвали служить на военный факультет Кировской академии, который находился в Саратове. С тех пор мы неразлучны.

С Леонидом Рошалем, которого сегодня все знают как «доктора мира», я знакома со студенческой скамьи. В спектакле «Платон Кречет», который мы ставили в институте, я даже сыграла его маму. Говорят, в жизни ничто не происходит случайно. Много лет спустя, когда Лёня искал работу, на одной из встреч выпускников он спросил, нет ли в нашей больнице вакансий, и я предложила ему должность своего заместителя. С тех пор мы шли вместе, развивая и совершенствуя работу больницы, которая впоследствии стала Научно-исследовательским институтом неотложной детской хирургии и травматологии.

Студенческое братство

Первая большая встреча однокурсников состоялась в десятилетний юбилей нашего выпуска. Нам так понравилось собираться, что было решено сделать встречи регулярными. Подошли мы к этому очень серьёзно и выбрали оргкомитет. И хотя с тех пор прошло не одно десятилетие, наш оргкомитет существует по сей день, и мы по-прежнему очень рады возможности встречаться и общаться друг с другом. Сейчас уже собирается человек 30, а раньше приходило около 100.

Между встречами мы всегда помогаем друг другу, особенно, когда нужна профессиональная помощь. Ни один врач не может знать и уметь все, а отвечаем мы

за жизни людей.

В моем случае бывает так: ребенок оказывается на операционном столе после тяжелейшей травмы, хирург начинает операцию и видит, что у ребёнка не только травма, но и серьёзное заболевание. Медлить нельзя, ведь операция уже началась. Что делать? В первую очередь, вызываем специалиста нашей больницы, но не всегда у нас в клинике есть специалисты по вновь открывшемуся заболеванию. Встречаются и врождённые пороки, и хронические заболевания. И тогда я звоню своим друзьям.

Однажды позвонила однокурснику-онкологу Валентину Ивановичу Лебедеву:

— Валюшечка, очень серьёзный случай, ребенок на операционном столе и, возможно, он твой пациент. Сможешь приехать? Куда за тобой машину прислать?

— Сам приеду. На метро. Так быстрее.

Вот такие у нас отношения и взаимовыручка, а скорее, профессиональная этика. Более тесного общения, чем у врачей, нет. Мы все держимся друг за друга. Один гастроэнтеролог, другой гинеколог, третий еще какой-нибудь специалист. Один за всех — все за одного. Одна семья. А в результате мы помогаем людям.

К каждой встрече выпускников мы готовимся заранее, все планируем, распределяем, кто за что отвечает. Я обычно занимаюсь поиском ресторана и договариваюсь о меню и ценах. Сегодня это важная часть подготовки, цены растут, а мы уже все пенсионеры.

Расскажу совершенно необыкновенную историю.

Пришло время отмечать круглую дату: 50-летие выпуска. Денег в тот раз собрали совсем немного, едва

хватало на скромное застолье. Решили провести встречу в подвале нашей больницы, где есть небольшое помещение, а еду заказать в ресторане. Прихожу в ресторан, разговариваю с хозяином:

— Сделайте нам, пожалуйста, десять хачапури и т.д. — по скромному меню.

— Хорошо, все сделаем. А где вы все это будете есть?

— Да, в больнице. В подвале.

С хозяином ресторана Лёвой мы давно знакомы, вместе уже несколько лет депутатствуем в нашем районе. И тут мой коллега-депутат, хозяин ресторана «Ереван» на Октябрьской площади, спрашивает:

— А почему вы не хотите встретиться здесь?

— Так не могу я собрать достаточно денег на ресторан. все сейчас очень дорого.

— А сколько вас будет?

— 96.

— Мая Константиновна, что я сто человек не накормлю? Приходите к нам. Ждём.

И устроил нашим врачам бал! все было так торжественно, красиво и вкусно! Везде цветы, на стульях чехлы, а сзади бант! Концерт для нас заказал, устроил танцы! Дети пели, фокусник показывал

чудеса. И сверх того – танец живота. Вот наши мальчики были рады! И девочкам понравилось.

А почти все собранные на праздник деньги у меня забрала транспортная компания, которую мы наняли, чтобы довезти гостей домой. Когда пришло время с транспортом рассчитываться, они потребовали невероятную сумму. Но как с ними спорить? Стариков пешком не отправишь. Вот и остались у меня от собранной на юбилей суммы сущие крохи по сравнению с размахом торжества. Я протянула их Лёве. Он улыбнулся.

Есть люди, для которых деньги важны, но отнюдь не являются главным. Огромное Лёве за все спасибо. Ото всех нас спасибо.

Я люблю людей. Каждая жизнь для меня бесценна. Каждый человек уникален. Для меня главное в человеке – честность. Это важнейшее качество. Не люблю нытиков, люблю людей дела, ответственных, и тех, кто может сам себя организовать и мотивировать. На любом месте человек должен хорошо понимать, чем он занимается. И не важно, кто ты – хирург или санитарка.

Истоки

После окончания института меня распределили в поликлинику №18 Кировского района, ту самую, куда я ходила в детстве. Она находилась около фабрики Парижская Коммуна в Марковом переулке, в доме №4. Сейчас в этом районе построен красивый современный комплекс «Красные холмы» – Международный дом музыки, большая гостиница и банки. А раньше там были ветхие домики, соединенные многочисленными переходами. Если хорошо знать внутренние дворики, из дома в дом можно было попасть, не выходя на улицу. Местные называли этот кусочек старой Москвы «островком».

Наш участковый врач-педиатр Варвара Михайловна Кокорина меня сразу узнала: «Маечка пришла!» Вообще на первом рабочем месте меня очень тепло встретили. Работать мне очень нравилось, я лечила детей в районе, где знала не только соседей, их детей, родителей, бабушек, дедушек, но и все ходы-выходы. Для участкового врача это важно, каждый день проходишь ногами километры, посещая больных на дому.

Главный врач поликлиники Михаил Ефимович Буренков относился ко мне с уважением, ценил как специалиста и очень скоро предложил поработать в профсоюзе, назначил ответственной за производственные вопросы.

Мне, как участковому врачу, было очевидно, что врачи работают с большими перегрузками, которые как-то должны были учитываться и отражаться на оплате труда, ведь в период эпидемии на одного врача приходилось до пятидесяти вызовов, а потом еще полноценный приём в поликлинике. Как мы с этим справлялись, не понимаю.

Естественно, в профсоюзе я начала работу с отстаивания прав медработников. Как подсчитать, сколько вызовов в день может обслужить участковый? Согласно регламенту, на одного участкового в день положено шесть-восемь, а по факту может быть в два-три раза больше. Двадцать вызовов за смену – обычное дело. Сколько времени требуется для того, чтобы двадцать раз вымыть руки? Когда я работала участковым, на моём участке все знали, что к приходу врача нужно подготовить мокрое полотенце или салфетку, и пока я подхожу к пациенту и вытираю руки, мама мне рассказывает, что случилось. Это одна из мелочей, которая позволяла уделить больше времени самому ребёнку.

В поликлинике замечательный детский врач Зоя Ивановна однажды произнесла слова, которые я запомнила на всю жизнь:

– Никого подводить нельзя. Когда вызвали врача, ни одна мать не выйдет из дома даже за хлебом, пока он не придёт.

Этот период жизни связан с совершенно уникальным опытом. Я всегда стремительно передвигалась по участку от одного больного ребеночка к другому, срезая дорогу везде, где можно, поскольку я прекрасно знала свой район. Однажды это закончилось серьёзной травмой, и я попала на операционный стол. Когда мне дали наркоз, моё сознание воспарило, и я оказалась у себя дома, сверху наблюдала, как мама натирает полы и хлопчет на кухне. Я чётко видела все детали, у меня было полное ощущение присутствия там, где меня быть не могло. Потом мама удивлялась, откуда я знала, чем она занималась, пока мне делали операцию?

Вскоре после моего назначения в поликлинику пришла группа молодых врачей. Когда они узнали о наших нагрузках, то отказались работать в таком режиме. Просто сказали:

– По регламенту положено шесть вызовов, вот шесть и возьмем. Ни на один больше!

– Как? А кто возьмет остальные сорок?

– А нас это не волнует.

Как же так можно? Для меня это было странно. Сейчас много говорят о том, что вот, мол, было время... Нет, не время, а внутренний закон определяет, у кого есть чувство ответственности, а кто во главу угла ставит собственный комфорт и личные интересы.

Работа в профсоюзе была дополнительной нагрузкой, но приносила большую радость. Помимо производственных дел мы занимались организацией досуга, выпускали газеты, готовили бюллетени санпросвета для родителей, устраивали праздники для сотрудников поликлиники и их детей. Праздники всегда были семейными, в них принимали участие не только сотрудники, но и их мужья и жены.

Своих подопечных по району я встречаю до сих пор. Бывают совершенно неожиданные истории. Одна случилась, когда я уже много лет работала в больнице. В кабинет зашла секретарь и доложила:

— С вами хочет встретиться начальник отдела департамента здравоохранения Москвы.

— Конечно, пусть заходит.

Входит мужчина и представляется:

— Я Носов.

— Здравствуйте, слушаю вас.

— Я — Носов, — повторил он свою фамилию.

Думаю, зачем он повторяет? Родственников с такой фамилией у меня нет, коллег, вроде, тоже. И отвечаю:

— На участке, где я работала после института, на Пятницкой улице в доме 57 жил Сережа Носов. У него

была очень заботливая мама. Звали ее Нина. Сережа часто болел, и поэтому мы регулярно встречались. Других Носовых я не знаю.

— Это я, Сережа Носов.

Я его, конечно, обняла, а в мыслях сразу возникла картинка: Сережка Носов, такой маленький, слабенький, а сейчас очень симпатичный, стройный мужчина.

Удивительно, но я до сих пор помню многих детей со своего участка.

В первые годы работы на участке летом меня направляли в детские сады. Однажды моя подружка, участковый врач Антонина Ивановна, спросила:

— Ну, что ты все время ездешь в детские сады? Лучше в пионерский лагерь. Там песни поют, гармонь играет!

Так я начала работать в пионерском лагере Краснохолмского камвольного комбината, одного из старейших текстильных предприятий России. Лагерь находился в очень красивом месте в

районе Ступино.

Кроме лагеря там были еще два детских сада.

Триста человек в пионерском лагере и сто пятьдесят в детских садиках. Хороший получила опыт — приходилось лечить все. Главное в работе летних

детских учреждений знать эпидемиологию, не допустить возникновения и распространения инфекции, вовремя изолировать заболевшего. И за все время работы в летних лагерях никто у меня серьёзно не заболел.

Каждый день я приходила на кухню снимать пробу с продуктов. Интересно было наблюдать за работой двух поварих в детских садиках. Комбинат построил для них общую кухню: у одной поварихи плита слева, у другой — справа, получали они одни и те же продукты. Но каков был результат? Одна была специально обученная, вторая поварского образования не получала. Первая навалит котлетищ огромных, шлёпнет на тарелку картошки — и готово! А вторая, без образования, налепит малюсеньких

котлеток, да еще из горошка глазки им приделает. Ребёнок получает ее котлетку и радуется. В одном садике еда невозможно вкусная, красивая, а в другом

– приготовленная формально, без души. Так что, все определяется отношением людей к работе, и образование здесь не при чем.

Через пять лет работы участковым врачом мне предложили переквалифицироваться в детского хирурга. Предложение было заманчивым, хирургия мне всегда нравилась. еще во время студенческой практики я стажировалась у прекрасного хирурга Станислава Яковлевича Долецкого (главного детского хирурга Министерства здравоохранения РСФСР, члена Международной ассоциации хирургов), несколько раз ассистировала ему на операциях, так что к моменту нового назначения в ортопедии и травме разбиралась не только теоретически, но и на практике, могла поставить диагноз, назначить лечение. Потом, уже будучи штатным хирургом, училась дополнительно и получила диплом детского хирурга.

В мединституте мы изучали все области медицины, много было и практики. Пока училась, и опухоли удаляла, и раны зашивала, и по гинекологии делала операции.

Еще студенткой в книге Юрия Федоровича Исакова (позже главного хирурга РСФСР, замминистра здравоохранения) я прочитала, что во время студенческой практики он дал себе задание — сделать 50 внутривенных вливаний. Тогда я решила, что сделаю минимум пятьдесят одно. И перевыполнила. Научилась делать эту процедуру хорошо.

Помню, во время практики в городе Маркс (60 километров от Саратова вверх по Волге) одна из пациенток никого к себе не подпускала и говорила: «Не дам вам делать мне укол! Придёт Маечка, и все сделает». У меня где-то сохранились дневники медпрактики с тех времен. Там много чего записано, в том числе, детали проводившегося лечения, имена всех моих пациентов. Эту звали Лидия Васильевна.

Первые шаги главного врача

Наверное, поликлиника и профсоюз оценили мою работу, потому что спустя некоторое время меня вызвала к себе Елена Семёновна, заведующая районным отделом здравоохранения:

– Нужно помочь. Детская больница в прорыве. Главным врачом пойдешь?

Предложение застигло меня врасплох. В это время я, хотя и выполняла серьезную работу, но в душе все еще «скакала на одной ножке», была полна задора и неуёмной энергии. Немедленного ответа от меня не требовали и дали время подумать. Дома мы с мужем обсудили все за и против, но прошло, как мне показалось, очень много времени, прежде чем предложение подтвердили.

До меня эту должность предлагали действующему заместителю главврача Тамаре Рубеновне, опытному специалисту, отлично понимавшему, какую ношу придётся взвалить на свои плечи. После четырёх месяцев работы она поняла, что не хочет брать на себя такую ответственность. Так как отказаться от должности было сложно, Тамара Рубеновна придумала, что мужа переводят в другой город и она вынуждена ехать с ним. Хитрость раскрылась случайно. Спустя какое-то время мы встретились в гостях, я спросила, почему она в Москве, и она призналась:

– А мы никуда не уезжали, просто по-другому я бы не освободилась.

За время работы в больнице я стала свидетелем и активным участником множества преобразований в нашей клинике. Потребовались годы и усилия огромного количества людей, чтобы изменить условия работы и лечения в лучшую сторону.

На первый в своей жизни обход по больнице, которая стала моим вторым домом, я пришла в полном врачебном обмундировании – в белой шапочке и хирургическом халате, который завязывается на спине. И в таком халате с завязками на спине я проходила многие годы.

К работе в новой должности я приступила 25 февраля 1963 года. Передавая дела, Тамара Рубеновна провела меня по больнице, но реальных масштабов и деталей работы я и представить себе не могла. Что такое больница «в прорыве» я поняла значительно позже. Оказалось, что помимо прочего, мне предстояло расселять общежитие, искать дрова для отопления палат, травить тараканов, которые, как хозяева жизни, разгуливали повсеместно. А потом выяснилось, что к больнице прилагается еще и детская поликлиника на двадцать участков! Там, откуда я пришла, было пятнадцать, а тут, видите ли, небольшой такой довесок на двадцать. Интересно, что о поликлинике я узнала мимоходом, буквально по

дороге на совещание. Идем по коридору с Татьяной Анатольевной, и я ей говорю:

– Смотрите, здесь еще и поликлиника!

– Теперь это тоже ваше, – отвечает она, как будто так и надо.

Надо сказать, это меня не расстроило, в работе поликлиник я, слава богу, разбиралась. Это не общежитие расселять. А мой поликлинический опыт здесь очень пригодился. Со многими проблемами я была хорошо знакома, понимала, с чего начать работу, и почти сразу смогла добиться, чтобы нашим участковым врачам оплачивали переработку.

В райздраве, предлагая новое место работы, мне говорили о больнице, но на самом деле я получила под свою ответственность целый комбинат. Оказалось, больница была не «в прорыве», а в настоящей дыре, зловеще зияющей в самом центре столицы – с видом на Кремль!

В 1963 году наша больница размещалась в трех корпусах, во дворе находились заброшенная церковь и хозяйственный корпус. А вперемежку с палатами и даже в подвалах находились комнаты общежития. В одной из них жил главный врач, несколько лет возглавлявший больницу и после выхода на пенсию проживавший на своей жилплощади. Здесь же жили медицинские сёстры, санитарки, рабочие.

Как известно, наша больница – продолжатель дела Иверской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста и той клиники, которая когда-то существовала на средства этой общины. Так вот, некоторые жильцы, в основном милые старушки, проживали тут еще со времен общины, другие заселились в пустующие комнаты уже после войны.

Всего в общежитии проживало 175 человек. Все они жили обычной жизнью – варили супы, стирали и сушили бельё, отмечали дни рождения, дружили и ругались. А рядом с ними – в одном коридоре – располагались больничные палаты. Хуже всего было с местами общего пользования – ими пользовались и пациенты, и сотрудники больницы, и жильцы.

Картина была удручающей. Больница была больше похожа на ночлежку: горячей воды нет, отапливать помещения нечем, по палатам снуют тараканы, канализационные трубы проходят по стенам пищеблока. Трубы были настолько изношены, что когда канализацию прорывало, нечистоты выливались прямо на пол пищеблока. Зимой температура в палатах падала до 13 градусов. Разве может такое быть в детской больнице? Как в таких условиях проводить операции? Как-то захожу ночью в палату, нужно везти ребёнка на операцию, включаю свет, а тараканы врассыпную с его постели.

Когда меня назначили главврачом, в больнице было 165 коек, которые по правилам Минздрава, приравнивались к 150. Это значило, что по штатному расписанию у меня не могло быть ни заместителя по хозяйству, ни по лечебной работе, ни главной медсестры.

В это время обязанности заместителя по лечебной части выполнял уникальный детский хирург-травматолог Николай Григорьевич Дамье.

В больнице он был рядовым хирургом, но уровень квалификации и уважения к нему со стороны коллег был настолько велик, что врачи выбрали его старшим, что многие годы не подтверждалось ни его зарплатой, ни должностью. Специалистом Николай

Григорьевич был уникальным: все знали: если Дамье осматривает пациента, то и без аппаратуры поставит верный диагноз. По его работам, которые были собраны в книгу, училось не одно поколение детских хирургов.

В годы репрессий Дамье оговорили и арестовали. За ним арестовали его беременную жену, которая в тюрьме родила дочь Мариночку. Николай Григорьевич рассказывал, что на допросе увидел бумагу с доносом и по почерку понял, кто автор. Почерк любого врача известен его коллегам. Врачи должны письменно фиксировать все назначения, операции и манипуляции, чтобы было понятно, какое лечение проводилось. Так Николай Григорьевич в тюрьме узнал, что посадил его Николай Сергеевич Шмелев. Из тюрьмы Дамье вернулся задолго до моего

назначения. Как произошла их встреча, осталось мне неизвестным, но они оба продолжали работать в одной больнице. Знаю только, что Дамье очень жестко разговаривал с этим врачом. Ну, чем не сюжет для романа?

Сейчас в вестибюле больницы висит памятная доска о том, что здесь работал выдающийся детский хирург Н.Г. Дамье, автор «Основ травматологии детского возраста», первого учебника по детской травматологии. Дочка Николая Григорьевича Марина до сих пор мне звонит и интересуется новостями клиники.

На курсах повышения квалификации главных врачей я узнала, почему у нашей больницы было такое скудное финансирование. Дело в том, что финансирование районных медицинских учреждений рассчитывалось из количества больничных коек на территории всего района. То есть нашему району выделялись средства на 175 коек нашей больницы и 300 коек соседней. Все

средства, выделенные на эти 475 коек, делились между пятью районными поликлиниками и двумя больницами. Распределение осуществлялось строго по статьям расходов. В результате, в поликлиниках в кабинетах физиотерапии висели шёлковые занавески, а в детской травматологической больнице были проблемы с постельным бельём.

Я решила эту задачку так: поставила в больнице дополнительно 10 коек и нас приравняли к стационару, имеющему 200 коек. Позже у нас появилась возможность сделать Николая Григорьевича заместителем главврача по лечебной части, в этой должности он проработал с нами до 1982 года.

Отдельного упоминания заслуживает ситуация с той самой детской поликлиникой при больнице, обслуживавшей 20 педиатрических участков. Причём она сама состояла из двух полноценных поликлинических отделений – одно во дворе нашей больницы, а второе на Большой Полянке в доме №7.

Это объединение «больница-поликлиника» проработало несколько лет. Но очевидно, что задачи у больницы и поликлиники совершенно разные и совмещение было неоправданным. Решение о разделении принималось всем коллективом, самовольно такие вещи не делаются. После обсуждения вопроса на общем собрании я обратилась с просьбой в райздрав. На реорганизацию ушло около

пяти лет. Я сильно потеряла в зарплате, но с точки зрения практического результата выиграли все – мы получили возможность, не расплываясь, направить все усилия на развитие экстренной хирургии и травматологи.

Двадцать участков детской поликлиники были переведены в расположенную неподалеку поликлинику №68. Так во взрослой поликлинике появилось детское отделение. В одном из соседних с нами корпусов оставалась поликлиника №35. Вскоре при районировании, когда Кировский район стал Замоскворецким, а нас отнесли к Октябрьскому, поликлиники №35 и №68 объединили на Ордынке 34 и наше двухэтажное здание освободилось.

Практически сразу у районного руководства появилась идея разместить на освободившейся площади райздрав. Когда эта информация дошла до нас (помню точно, это был четверг), мы очень расстроились. Ведь было очевидно, что больница работает в стеснённых условиях, койки стоят в коридорах, места не хватает. Бывало, по вечерам в приёмном покое находилось до 100 человек – дети с сопровождающими их родителями. Настоящее столпотворение! И в таких условиях врачам чуть ли не в коридоре нужно было разобраться, кто нуждается в госпитализации, а кто в первой медицинской помощи. Дети с травмами разной тяжести оказывались в одной очереди.

Я и раньше обращалась в райздрав с просьбой разрешить нам открыть травмпункт, чтобы разгрузить больницу и ускорить процесс оказания неотложной помощи. В то время уже функционировал детский травмпункт в Филатовской больнице, и нам отказали, почему-то решив, что для многомиллионного города и одного травмпункта вполне достаточно.

Тогда руководство больницы собралось, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Появилось предложение развернуть в освободившемся здании травматологический пункт. Многие из обратившихся к нам не нуждались в стационарном лечении, после получения необходимой помощи в травмпункте они могли лечиться амбулаторно. Кроме того, травмпункт у нас был, по сути, готов – в больнице были и хирургический, и рентгеновский кабинеты. Мы решили провести полную реорганизацию за три дня – пятницу, субботу и воскресенье.

Для начала сотрудники в своё свободное время вымыли все стены, полы, окна и двери на обоих этажах. Там, где в поликлинике был хирургический кабинет, мы разместили травматологический пункт и операционную с операционным столом. Оборудовали полноценный кабинет долечивания, что было особенно важно. Ведь часто долечивание происходит под наблюдением врачей поликлиники, у которых не всегда хватает опыта в лечении той или иной травмы, а в больнице мы не только проводим консультации и

вторичный приём пациентов, но и аккумулируем информацию о методиках лечения травмы.

На первом этаже нашлось место под справочное окно для родителей и аптеку, которая до того располагалась рядом с отопительным баком. Кроме того, мы обустроили лабораторию для приёма и обработки анализов и, наконец, конференц-зал. Теперь для обсуждения насущных вопросов сотрудники могли собираться не в коридоре или крохотных кабинетах.

На втором этаже в чистых палатах было развернуто травматологическое отделение на сорок коек. Откуда они взялись, эти 40 коек? Да, из больничных коридоров, а еще из перенаселенных палат.

Таким образом, все необходимое для оказания амбулаторной помощи было вынесено за пределы больницы, и в это отдельное помещение имелся собственный вход с улицы. За три дня мы не успели лишь перенести из подвала архив, сделали это чуть позже.

Эти невероятные преобразования наш коллектив смог осуществить всего за три дня, все работали в едином порыве! В понедельник мы пришли на работу как после выходного дня, не чувствуя усталости. Видимо, сказалась чувство удовлетворения и понимание того, что делаешь благое дело.

В начале недели в больницу для утверждения решения о переводе к нам райздрави прибыла комиссия во главе с заместителем председателя исполкома Анатолием Александровичем. Вместо пустых кабинетов они увидели функционирующий корпус, где лечились травмированные дети. Резюмируя увиденное, Анатолий Александрович выразил общее мнение:

— Язык не поворачивается сказать, что больница должна освободить здание, поэтому давайте для райздрави найдем другое помещение.

Так дети были переведены из коридоров в палаты, условия лечения стали комфортными, были соблюдены все санитарные нормы.

С тех пор при больнице существует межрайонный детский травмпункт. Сначала он не работал по ночам, но потом, когда нам, наконец, выделили штатные единицы, стал круглосуточным.

После того, как официальное разрешение на новые площади было получено, я пошла к Александру Эммануиловичу Нудельману, директору Конструкторского бюро точного машиностроения, расположенного по соседству (сейчас это КБ носит его имя), и попросила помочь нам сделать ремонт здания, ведь новые помещения мы только отмыли.

— А сколько у вас на это есть денег? — спросил он,
— десять, сто рублей?

– Нисколько...

Его очень развеселил мой ответ.

Конструкторское бюро провело прекрасный ремонт наших новых помещений, за что мы им безмерно благодарны.

После ремонта больницы Александр Эммануилович зашёл в мой кабинет и был удивлен его состоянием. Так и кабинет главврача привели в порядок.

КБ помогал нам и по медицинской линии. Вспоминается один случай, прямо анекдотичный: привезли в травмпункт ребенка, который умудрился нацепить на голову металлический горшок. Хирургических инструментов для того, чтобы разрезать горшок, у нас не было. Мы обратились за помощью в КБ, и «глупая детская голова» была спасена.

В 1990-е КБ получило новое здание на Волоколамском шоссе, а их здание исполком передал нашей больнице. И, что неудивительно для этого времени, тут же нашлись проходимцы, которые жульническим образом сдали часть переданных нам площадей под ресторанные и аптечные склады. Мы с Лёней Рошалем подали в прокуратуру заявление на самозахват, ведь жулики ничего не думали возвращать. У нас на руках были все документы на здания, но суд вынес решение в их пользу. На мой

вопрос, как же такое решение могло быть принято, адвокат истцов ответил:

– Они мне платят.

Сегодня этого адвоката нередко можно видеть на ТВ, он депутат Госдумы, занимается законотворчеством. Такие вот бывают депутаты с историей.

Обустройством травмпункта дело не кончилось, предстояла большая работа. Переехавшая поликлиника вывезла оборудование для лаборатории физиотерапии, которым до того пользовалась и наша больница. Нам пришлось срочно организовывать собственное отделение физиотерапии и свою лабораторию. Не было бы счастья, да несчастье помогло, говорят в таких случаях. Пока мы зависели от поликлиники, они могли отказать нам в лабораторном исследовании на том основании, что у них не хватает рук и времени. А пациенты экстренной хирургии часто нуждаются в регулярных анализах, например, анализ крови нужно повторить через час, через день... Необходимо постоянно держать руку на пульсе: гемоглобин растет или падает, нарастают ли палочкоядерные, то есть, идет ли воспалительный процесс? Поликлиника же, в силу объективных причин, нас ограничивала – пять таких анализов в день, десять сяких. Сейчас любому ясно, что больница скорой помощи не может существовать в таких условиях, но тогда нам приходилось в них работать.

Открытие собственной лаборатории серьезно повлияло на ход лечения, наши врачи были просто счастливы, ведь они могли вовремя получать всю необходимую информацию о маленьких пациентах.

Очень полезной для меня стала поездка по обмену опытом в Ленинград, в травмпункт, имеющий долгую историю. Я многому от них научилась. Например, тому, что в коридоре на приеме обязательно должен находиться «медицинский дозор», чтобы наблюдать за состоянием детей, ожидающих приема и не пропустить экстренных больных. Чуть побледнел ребеночек, начал «вянуть» или плакать – без очереди к врачу. Или привезли совсем кроху, которая упала с кровати, таким нельзя ждать конца очереди, их нужно сразу отправлять на осмотр.

Между прочим, падение с кровати деток в возрасте до года – очень частое явление. Родители просто не успевают заметить, что ребёнок научился поворачиваться или ползать. Нередко пеленая детей, они отворачиваются на мгновение, а малышу разве много надо? Раз – и на полу.

Добровольные помощники

Развиваться больнице помогал не только весь персонал, но и многочисленные друзья и помощники. Например, 5-ая мастерская Моспроекта-2 бесплатно сделала для нас проект переделки

нейрохирургического отделения. Его появление – это отдельная история.

К нам часто поступали детишки с нейротравмой, и мы их лечили в хирургическом отделении. Но обычная травма и нейротравма – не одно и то же. Для лечения нейротравмы требуются уникальные специалисты, особый уход и оборудование. В течение многих лет мы подавали заявки на открытие нейрохирургического отделения и неизменно получали отказ. Видимо, такое решение принималось потому, что персоналу нейрохирургии положены льготы и дополнительный отпуск, и значит, требовались согласования, разрешения, одним словом, бюрократия. Парадокс – пациенты есть, врачи оказывают необходимую помощь, а отделения нет.

Как это нередко бывало, мы начали действовать, исходя из целесообразности. На свой страх и риск выделили для детишек с нейротравмой несколько коек, поместили их в отдельные боксы, в особых случаях привлекали специалистов со стороны. Но этого, конечно, было недостаточно. Поэтому, как только появилась потенциальная возможность, решили выделить для таких больных специализированное отделение. После окончательного расселения общежития у нас освободилось помещение, которое мы перестроили, сменив деревянные перекрытия. По нашим расчетам,

в новом отделении могло лечиться одновременно до 30 детей. С этим я и пошла в департамент здравоохранения.

Департамент тогда возглавлял Владимир Николаевич Мудрак. Его заместитель, Рудольф Георгиевич в разговоре со мной настаивал на том, что нейрохирургия нашей больнице не нужна, и аргументировал это так:

– Тяжёлую травму пусть лечит больница им. Дзержинского, а 20-я будет лечить легкую.

– Скажите, пожалуйста, как бригада скорой помощи на месте определит, что за травма? Мы профильная больница, а не богадельня. Мы лечим, а не даём приют из милости. А вы, рассуждаете как местечковый врач, а не как профессионал, отвечающий за столичную систему здравоохранения.

Вышла из кабинета со слезами на глазах, чувствуя полную беспомощность перед тупым упрямством и некомпетентностью.

Разрешилась ситуация самым неожиданным образом. В коридоре меня увидел руководитель Отдела детства Ян Михайлович Луцкий (городской детский токсиколог, позже главный врач Филатовской больницы).

– Что случилось?

– Не буду сюда больше ходить, все без толку.

– Не ходила и не ходи! Все, что нужно сделаем без них. Не переживай.

Сам подготовил все документы– написал приказ, поставил подпись, печать – и сам привез в больницу.

Ещё одна уникальная женщина, специалист 31-й городской клинической больницы, Лариса Иосифовна осуществила невозможное. Когда по нашей просьбе, министерство нефтяной промышленности подарило нам компьютерный томограф, нужно было установить его по всем правилам и требованиям – в кабинете со сводчатыми потолками и другими особенностями.

Проект установки долго не принимали, потому что для его реализации нам пришлось бы разбирать стену дома. А Лариса Иосифовна сумела так все распланировать и предъявить комиссии такой проект установки, что все у нас получилось в соответствии со всеми требованиями.

Энтузиазм и самоотдача

Когда я пришла в больницу, за первый год у нас умерло 28 маленьких пациентов. Звучит ошеломляюще, но ведь наши пациенты – это дети с тяжелейшими травмами, часто не совместимыми с жизнью: падение с крыши многоэтажного дома, наезд грузовика, да мало ли что...

Однако очень долгое время штатное расписание не давало нам возможности открыть собственное реанимационное отделение, столь необходимое для таких пациентов. Реанимацию и интенсивную терапию разрешают выделить при наличии в больнице не менее 300 коек, из них хирургических должно быть не менее 100. Ситуация, когда выздоравливающие дети с бытовыми травмами лежат рядом с реанимационными детьми, недопустима.

Сначала я попыталась найти понимание в райздраве. Объясняла, почему мы никак не можем обойтись без интенсивной терапии, но без толку. Как говорится, «что положено, то ваше, что не положено, того быть не может».

После очередного похода в райздрав я собрала коллег и сказала, что нам по штатному расписанию не положено реанимационное отделение, но для спасения тяжелых больных без него не обойтись. Давайте вместе подумаем, откуда мы можем взять ставки. Понимая необходимость такого шага,

заведующие отдали по несколько штатных единиц от каждого отделения на реанимационный блок.

После небольшой реорганизации мы смогли открыть реанимацию на 6 коек. Там появились собственные врачи, которых сняли из других отделений, сняли с дежурств. При этом, каждый из работавших в интенсивной терапии знал, что в отделении нет нянечек, которые придут и все уберут, поэтому во время дежурства они и уколы делали, и посуду мыли, и убирали. Безусловно, это было трудно, но все понимали, ради чего это делается.

В результате смертность сократилась до 1-3 пациентов в год. К сожалению, с нашим профилем полностью исключить ее невозможно. Создание отделения реанимации помогло не только пациентам, оно вселило во врачей уверенность в том, что есть шанс спасти гораздо больше детей.

Через много лет после того, как мы создали отделение, нам всё-таки дали ставки на реанимацию. Потом уже, видя, как успешно мы работаем, изменили министерский приказ про 300 коек. Но 25 лет мы работали в условиях, которые создавали сами, 25 лет существовало отделение интенсивной терапии и реанимации без штатных единиц! А сокращение смертности с 28 до 1-3 обеспечивалось самоотверженностью врачей. Как-то раз мне пришлось вспомнить о тех 28 пациентах, которых не удалось спасти. Наняли мы на работу нерадивого

врача, он любил прогуливать, отлынивать от работы, пришлось его уволить. Но он не утомился и подал на нас в суд, мол, не имели права. На слушаниях он заявил, что больница никчёмная и дети «мрут, как мухи». На что судья Константин Михайлович (тёзка моего отца) спросил: «А что скажет главный врач?» Я рассказала, что у нас действительно был год, когда мы не смогли спасти 28 пациентов, но в последующие годы таких случаев было 1-2. Причём надо учитывать нашу специфику – несчастный случай не очень выбирает, ногу ли ломать или сразу голову. Бывает, что еще до поступления в приёмное отделение ребёнок практически обречён. Но врачи делают все, чтобы горе не пришло в дом, чтобы в доме осталась радость.

В нашей работе важно не доводить до того, чтобы ребёнок оказался в реанимационной палате. Когда мы понимаем, что могут быть осложнения, например, перитонит, мы сразу начинаем бороться с ними, проводим профилактику, антибактериальную терапию, ставим монитор, следим за тем, как работает сердце, легкие, как изменяется давление.

Именно поэтому мы стремились открыть отделение нейрохирургии. Нам долго и этого не разрешали, считая, что одного уже существующего отделения для Москвы достаточно. Но бывает так: привозят ребёночка, у него видимые гематомы, где-то перелом, а при обследовании выясняется, что тут и

разрыв внутренних органов, и сотрясение. Так что для полноценного лечения нам необходимы специалисты всех профилей, те, кто понимает специфику травмы и ее последствия.

Особой благодарности заслуживают анестезиологи. Дать правильную анестезию – целое искусство. Нужно так рассчитать дозу, чтобы ребёночек практически сразу по окончании операции начал приходить в себя. Лишнее время без сознания – совершенно ненужный риск для здоровья. Но работа анестезиологов часто остаётся недооцененной. И это неправильно.

Лечим душу

Я в эту клинику вложила жизнь, душу, все силы. Не знаю, больница мой первый или второй дом?

Сделано, конечно, много. Сегодня, когда происходит модернизация больницы, ее закрывают, все ломают и строят заново. А когда мы начинали, таких возможностей не было, но мы добивались, чтобы в нашей больнице были и передовые методы лечения, и самое современное оборудование.

Психологов мы ввели первыми в России, чтобы профессионалы помогали детям и родителям справляться с душевными травмами. Часто пострадавшие дети не в состоянии справиться с перенесёнными испытаниями самостоятельно.

А что говорить про родителей, которые потеряли ребенка? Это личные катастрофы, с которыми и взрослым не всегда удается

Наши первые психологи справиться.

Началось все с маленькой Оксаны. Как-то делаю обход. В реанимации девочка не спит, спрашиваю:

— Почему ты не спишь?

— Я боюсь.

— Чего?

— На меня все время наезжает бампер.

После травмы, как только она закрывала глаза, на неё снова и снова наезжал этот жуткий бампер.

Я вспомнила себя. Был 1950-й. На моих глазах из окна вытолкнули женщину. Я до сих пор помню, как она кричала, хваталась за дом, вижу сумку в ее руке, как она летела... Помню тело на земле, платье в белый цветочек. После этого я очень долго не могла спать, у меня была психологическая травма. Но ведь тогда психологов не было, а сейчас есть.

Я написала письмо-обоснование, отнесла тем, кто принимал решения, и нам тут же дали психолога. После двух сеансов с психологом девочка мне сказала:

— Я все помню, но это было не со мной.

Как важна оказанная вовремя профессиональная помощь.

Еще вспоминаю двенадцатилетнего мальчика. Он гулял во дворе, когда увидел, что его младший братик стоит на подоконнике. «Назад!», – закричал мальчик, но малыш уже летел вниз с девятого этажа. Мальчик моментально среагировал и в миг оказался у дома. Он подставил руки, пытаясь поймать брата. Сил удержать брата не хватило, но он значительно смягчил удар. Малыш упал в кусты. Конечно, у него было много переломов, малыш оказался в реанимации, но остался жив. А у старшего были переломаны обе руки.

Этот случай попал на ТВ, мальчика показали всей стране. Журналист его расспрашивал о том, как он себя чувствует, что его беспокоит, и мальчик сказал, что, как только закрывает глаза, он ловит брата — и ловит, и снова ловит.

Когда я это услышала, то подумала, как же так? Лечить кости и не думать о душе ребенка? Ведь есть же психологи, которые помогают снять проблему.

Когда лечишь пациента, всегда нужно думать, чего нам еще не хватает, что нужно изменить или добавить?

Заплатки

Сегодня, с высоты прожитых лет и тяжелого опыта выживания в системе здравоохранения, могу

сказать, что главные врачи большинства медицинских учреждений страны были вынуждены, прежде всего, «ставить заплаты» – латать дыры, возникавшие вследствие непрофессионального и равнодушного отношения чиновников к нашим проблемам. Где-то наверху принимались красивые планы не имевшие ничего общего с решением насущных задач. Практикующие врачи не сидели сложа руки и всеми возможными силами пытались влиять на эти решения, да только мало кто хотел нас услышать.

В больницу с очередной проверкой прибыла энергичная Лариса Григорьевна из Отдела детства Департамента здравоохранения. ее цель, видимо, была благородной – посмотреть, как и в каких условиях лечат маленьких пациентов. Но вместо того, чтобы внимательно изучить реальную ситуацию (а она была описана выше) и поговорить о том, чем департамент мог бы помочь больнице, эта милая дама чуть ли не с порога подняла крик:

– Это что за больница! Ее нужно закрыть! Нельзя в таких условиях лечить детей!

На тот момент я уже около двух лет проработала в больнице, сроднилась с ней и ко всем проблемам относилась, как к своим. Меня очень ранила такая реакция, как если бы кто-то начал ругать моего ребёнка за то, в чём он никак не виноват:

– А кто до сих пор руководил районным здравоохранением? Вы что, впервые видите, в каких условиях нам приходится оказывать детям помощь? Как же вы до сих пор не заметили, что у вас через речку от Кремля существует такой «ужас»?

Дама ушла, больше мы ее не видели. Критиковать и кричать ума не нужно, а чтобы дело делать, нужен характер и любовь к тому, чем занимаешься. Потом Лариса Григорьевна «спустилась с небес на землю» – работала в какой-то больнице ночным дежурным и давала справки по телефону.

Вспоминается еще один случай. Как-то звонят из приёмного покоя, сообщают, что поступил ребенок с аппендицитом. Время не терпит, нужна операция, но отец категорически отказывается оперировать ребенка в нашей больнице. Пошла уточнить, в чем дело.

– Я не допущу, чтобы моя дочь оставалась в таких неподобающих условиях! Я – работник Госплана!

И снова не удалось сдержать эмоции:

– Госплан? Что же вы там планируете? Мы через речку от вас, а вы нас не видите.

Удивляет хамство некоторых «видных деятелей» – приехать с больным ребёнком в больницу и учинять скандал. Разве это мужское поведение? Решение каких проблем можно доверить такому мужчине? Папаше пришлось объяснить, что ситуация требует немедленных действий, и мы обязаны спасти ребенка.

Девочку мы, конечно, прооперировали и она выписалась здоровой.

Но были и другие чиновники, участие которых помогло нам решить не одну серьезную задачу. Человечность и способность понимать окружающих – чувство врожденное, не зависящее от занимаемой должности.

Лечился у нас ребеночек. Как потом оказалось, его папа был заместителем председателя исполкома нашего Октябрьского района. Михаил Михайлович приходил в больницу, как и все родители, в часы приёма, не требуя ни к себе, ни к ребёнку особого отношения. Я узнала, что ребенок Михаила Михайловича лежит у нас, только когда увидела его самого в отделении. До этого мы с ним несколько раз встречались по рабочим вопросам – он помог нам получить квартиру для одного из врачей. А после того, как ребеночка выписали, помог еще нескольким врачам приобрести кооперативные квартиры в новом доме.

Сколько прекрасных людей встретилось мне на жизненном пути, и я благодарна судьбе за ее щедрые дары! В течение пятидесяти лет с помощью большого количества отзывчивых и неравнодушных единомышленников нам удалось преобразовать полуразрушенную больницу в современный клинический институт.

За годы работы мы вылечили большое количество детей. Многие давно выросли и стали родителями, у нас лечились их дети, а сейчас иногда к нам попадают и их внуки. Некоторые становятся нашими друзьями и начинают помогать больнице.

У настоящего врача результат лечения никак не зависит от оплаты труда. Он лечит на совесть. Это прописная истина. Кто живет иначе, не должен называться врачом.

Однажды привезли к нам мальчика лет десяти, получившего страшные травмы – грузовик прижал его к стене дома. Я сразу прибежала к этому ребенку, склонилась над ним. Он, хоть и сильно травмированный, тихо-тихо прошептал:

– Тетя, если вы меня хорошо полечите, папа вам много денег даст.

Бедный ребенок! Что делалось у него в голове? Мальчика мы, конечно, поставили на ноги. На это ушло месяцев восемь. Мы все относились к нему, как к родному.

И вот, лет пятнадцать спустя, в кабинет заходит мужчина средних лет, с ним юноша.

– Здравствуйте, Мая Константиновна. Вот ваш Сенечка! Закончил университет, стал юристом.

Сегодня у нас есть свой адвокат, консультирует нас по любым вопросам. Стараемся «нашего Сенечку»

попусту не отвлекать, но когда нужно, он нас поддерживает.

Разве такое отношение за деньги купишь? Разве возвращаются к врачам пациенты, осыпавшие их деньгами? В чем мера человеческих отношений? Не в деньгах точно.

Интересно, что отец мальчика, тоже юрист, много лет назад помог главному врачу института им. Склифосовского выселить из помещений больницы многочисленных арендаторов, попавших туда в 1990-е и не желавших после окончания договоров аренды освобождать необходимые для больницы площади. Это были очень тяжелые времена, вспоминать страшно.

Как потом выяснилось, до того, как отец мальчика стал юристом, у него был солидный стаж службы в ВДВ, больше тысячи прыжков, не считая тех, что он совершил в связке с курсантами, которые отказывались прыгать самостоятельно. Когда распался СССР, он понял, что пора переучиваться, и поступил в юридическую академию. Такой вот юрист-десантник. Удивительный человек.

У властей я никогда ничего не просила вперед – только добивалась утверждения уже функционирующего. Для получения разрешений я выступала на сессиях райсовета, рассказывала, что у нас есть и для чего это необходимо. Как-то в коридоре

Минздрава обратила внимание на фотографии руководителей – со всеми мне приходилось встречаться для решения проблем больницы.

Оглядываясь назад, задумываюсь. Все мои обращения к функционерам были вызваны необходимостью, без крайней нужды я к ним не обращалась. Но их реакция зачастую противоречила здравому смыслу. Как будто их просили исполнить личную прихоть или каприз. Но как можно отмахиваться от серьёзных проблем, связанных с детским здравоохранением?

С другой стороны, больница и была моим личным делом. Каждый врач, пациент, каждый сантиметр больницы для меня выстраданные и родные.

Вспоминается заседание сессии райсовета, проходившее накануне очередной годовщины Октябрьской революции. На нем планировалось обсудить строительные и ремонтные дела. Нашей больницы это тоже касалось. Любой ремонт – дело сложное и нервное. А в лечебном заведении строительные работы не только нарушают покой больных, но и несут в палаты пыль и грязь, что отнюдь не способствует процессу лечения.

Перед тем как отправиться на заседание, я сделала фото: во дворе больницы над грудой стройматериалов и мусора плакат «Завершим

строительство к Первомаю!» Первомай давно прошел, двор уже засыпало снегом. Рассказывая о наших делах, предъявила собравшимся фото. Что толку описывать проблемы больницы словами? Куда действенной наглядная иллюстрация, а в данном случае, еще и с юмористическим подтекстом. Реакция последовала молниеносно, дело сдвинулось с мёртвой точки. Приезжал разбираться и Юрий Иванович, председатель нашего исполкома. За многие годы он убедился в том, что в нашей больнице люди работают на совесть. Поэтому и со строителей был особый спрос.

Народный депутат

Так получилось, что почти всю жизнь я была депутатом своего родного района. Я всегда старалась делать все по максимуму, всю жизнь была очень активной и неравнодушной. Наверное, поэтому на первом рабочем месте, в поликлинике, меня выбрали в профком, а потом избрали председателем. А когда я начала работать главврачом, меня почти сразу избрали депутатом Кировского района (потом он был переименован в Октябрьский, а с 1990 года стал называться Якиманкой). Мой максимализм приводил к тому, что всю жизнь после работы, когда нормальные люди шли домой, я отправлялась по депутатским делам.

Более 50 лет я старалась сделать жизнь людей своего района лучше, комфортней. Только на

последних выборах я не согласилась баллотироваться в депутаты.

Казалось бы, зачем мне это было нужно? Скорее всего, из-за обострённого чувства ответственности. Если не я, то кто? Ведь перед глазами примеры проходимцев, которым депутатский мандат был нужен только для карьеры и красивой картинки.

На одном из последних собраний районных депутатов, в котором я участвовала, ко мне обратилась жительница:

— А сколько лет вам?

— Скоро сто. А почему вы спрашиваете?

— Не пора ли молодежи уступить место?

— Мы-то уступаем, да только нужно ли это им? Не так давно в нашем муниципальном округе избрались студент Института стали и сплавов и молодая девушка. Стоило студенту получить проездной билет, положенный депутату, только мы его и видели. Девушка задержалась. Улучшила жилищные условия и тут же пропала. А я с удовольствием занимаюсь вопросами, связанными с медициной, пожилыми людьми, помогаю детям, оставшимся без попечения родителей, слежу за их учебой, за условиями, в которых они живут, за тем, чтобы никто не лишил их жилья. Мне эта работа

очень нравится, я ее с радостью делаю. Так что сами решайте, кого выбирать.

Сейчас депутатство совсем не то, что раньше. Тогда должность депутата была почетной.

В начале депутатской деятельности ко мне обратился зампред исполкома, Анатолий Александрович:

– Мая Константиновна, предстоит сессия районного совета. Расскажите на ней о том, как вы обращаетесь в разные инстанции, и везде вместо помощи получаете отказ. Сможете?

– Почему не смогу? Выступлю.

–Только давайте договоримся, выступать жестко!

Ну, выступила. Не то, чтобы жестко, но по существу, рассказала о реальном положении дел. Сказала, что как вновь назначенный главный врач сталкиваюсь с полным непониманием со стороны районного руководства и ведомств. Позже, когда я проходила учебу на курсах повышения квалификации, один из министерских работников разъяснил нам, отчего у нас ни один вопрос не решается без проволочек. Оказывается, многое зависит от того, городского подчинения больница или районного.

Невероятная история, случившаяся в последний день советской власти

Юрий Иванович, председатель Октябрьского исполкома, был совершенно исключительным человеком. Пока он руководил районом, было очень много сделано для людей. Именно благодаря ему в нашем институте есть то, что мы сейчас имеем. Я считаю, что и район наш был и остается лучшим в Москве.

Прихожу на работу. Восемь утра. Мне говорят:

– Мая Константиновна, Юрий Иванович уже был. Ушёл в семь часов. Смотрел, как идет ремонт больницы.

Мне кажется, он вообще не ел, не пил, и уж, тем более, не отдыхал. Юрий Иванович просто жил работой, поэтому у него в районе все всегда работало.

После распада СССР и отпуска всех институтов власти Юрий Иванович пригласил меня к себе. Это был его последний день в должности и фактически последний день Советской власти.

– У нас есть 15 бесхозных строений. Хочу передать их на баланс вашей больницы. С их помощью вы сможете расширить площади, а если часть из них продать, у вас получится, наконец, сделать нормальный ремонт, приобрести современное медицинское оборудование.

Ситуация в государстве была патовой, экономика была полностью развалена. Председатель исполкома уходил с должности и понимал – судьбу свободных площадей будут решать рыночные реформаторы, но для реализации каких проектов? Для самообогащения или во благо?

В условиях кризиса, когда в течение долгих лет средств на поддержание медицины не выделялось, Юрий Иванович принял решение – передать здания тем, кто сможет их использовать с максимальной пользой для людей. Со мной лично и с деятельностью нашей больницы он был знаком несколько десятилетий, видел, в каких условиях мы умудряемся выживать и оказывать медицинскую помощь огромному количеству пациентов. Одним словом, решение было принято.

Что и говорить, я была окрылена тем, что у нас появился шанс! Пятнадцать зданий, небольших, расположенных в нашем районе, можно так много сделать для улучшения качества лечения и комфорта пациентов! Больница всегда забита до отказа, кареты

скорой помощи почти непрерывно подвозят новых и новых пациентов...

Счастье длилось буквально несколько часов. Узнав о том, что документы на здания проплыли мимо, вновь назначенный управленец тут же позвонил мне и строгим, не терпящим возражений голосом приказал:

– Завтра к пяти часам ко мне в кабинет со всеми документами, которые вы получили вчера! Жду.

Что делать? Времени у меня было меньше суток. Я тут же связалась с бухгалтерией исполкома.

Удивительные бывают совпадения! Иногда сама судьба исподволь готовит спасательный круг, но ты до поры до времени не знаешь об этом. Консультируя в течение долгого времени внука Валентины Ивановны Лебедевой, я не имела понятия, что она главный бухгалтер исполкома. Когда перед тобой больной ребенок, какая разница, кто его бабушка или дедушка.

В бухгалтерию исполкома я, в буквальном смысле слова, вбежала. Все работники одеваются, собираются уходить домой – конец рабочего дня. У меня сердце оборвалось. Захожу к главному бухгалтеру, вкратце описываю, что мне нужно, и она тут же говорит своим сотрудникам:

– Девочки, домой никто не идёт, пока не закончим это дело.

Не теряя времени, Валентина Ивановна связалась с райздравом и попросила дождаться меня с бумагами. Через два часа, прижав папку с оформленными документами к груди, бегу на троллейбус и еду туда. Райздрав встретил меня в полной готовности и очень быстро все бумаги, подтверждающие, что детской больнице №20 принадлежат вышеозначенные здания, были оформлены. Оставался последний рубеж – печать жилищно-эксплуатационной конторы.

В конце дня там практически никого нет. Нашла инженера, а он в отказ:

– Главного инженера нет, без него печатей не ставим.

Понять его можно, а мне что делать? Но в этот день было столько совпадений, такая концентрация добра и участия, что цепочка просто не могла прерваться. И вот, как по мановению волшебной палочки, в ЖЭК заходит главный инженер исполкома Элла Павловна. И печать была поставлена!

На следующий день в назначенный срок прихожу к новому начальству. В руках «бомба». Но знаю об этом только я.

- Пришли?
- Да, пришла.
- Принесли?
- Да, принесла.
- Ждите.

Звонит в другой кабинет, кого-то приглашает. Заходит мужчина.

- Передайте ему то, что вам дали вчера.
- Хорошо.

Протягиваю папку и говорю тихим голосом:

- А кто издаст указ о передаче зданий с баланса на баланс?
- Какой баланс? Когда вы успели?
- Вчера.

Целый аппарат единомышленников работал. Мат поставили в один ход!

Но, конечно, покоя нам не дали. И даже не исполком. В те годы неразбериха была тотальная. Оказалось, что в зданиях самочинно расположились мелкие частники, какие-то склады, фирмешки. У всех

уже были планы, что и как они будут строить, перестраивать. Нам еще долго пришлось биться за эти дома.

Самостийные бизнесмены пытались решить проблему по-разному. Летом в выходные ко мне на дачу заезжает мой заместитель.

— Нам предлагают машины. В обмен на здание. Не одну, несколько. Давай, соглашайся, сейчас вообще ничего не достанешь. Если машина тебе не нужна, продашь.

Слушать собственного заместителя было противно буквально на физиологическом уровне, как будто что-то отвратительное взяла в руки.

Я понимаю, каждый судит по себе, ведь иначе никто судить и не умеет. Но как человек, знающий меня столько лет, осмелился допустить, что я соглашусь получить железку на колесах в обмен на возможность улучшить условия лечения детей?

Между прочим, в те годы многие именно «прихватизацией» нажили состояния. Среди тех, кто присматривался к зданиям нашей (да и не только нашей) больницы, был и Ходорковский, успешно прибиравший к рукам не одно здание в центральном округе.

Позже, когда представилась возможность, больница передала полученные дома на баланс

города. В результате на площадке рядом с историческим зданием больницы появилось современное высокое здание нашего НИИ НДХиТ.

При передаче домов выяснилось, что за время, пока они стояли на балансе больницы, один из них – тот, что выходил окнами на «Президент-отель», – оказался проданным. Кто и когда успел это сделать? Мы тут же связались с мэрией, начались поиски. Документы на дома все время находились в БТИ. Очевидно, кто-то из работников провел эту «операцию», а потом сменилось название улицы, и документы на дом, хранившиеся в реестре, исчезли. Лихие были времена: продать госсобственность, украсть бумаги и концы в воду. В ходе разбирательства нашли хозяина паспорта, на которого дом был оформлен задним числом. Пришли к владельцу и увидели то, что и ожидали: в пустой нищенской квартирке на табуретке в трусах сидит «собственник», на полу перед ним бутылка.

В связи с этим событием в мою память навеки врезался один эпизод. Когда выяснилось, что дом больше не наш, я пошла посоветоваться с одним из руководителей больницы. Описала ему ситуацию. И тут, как гром среди ясного неба, слышу:

– Смотри мне в глаза! Это ты продала дом, ведь так?

Если можно убить словом, то именно это со мной произошло, земля ушла из-под ног. Я понимаю, что каждый судит по себе. Но чтобы обвинять в воровстве человека, которого ты давно и хорошо знаешь, не имея на это вообще никаких оснований!

Но, как говорится, то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Это стало уроком на всю жизнь.

Парадоксы 1990-х

В 1990-е денег на оборудование в бюджете не было. Тем не менее, именно тогда мы получили самые современные аппараты для лечения травмы. Непредсказуемое было время.

Заходит в кабинет молодой человек. Спрашивает:

— Не нужны ли вашей больнице какие-нибудь медикаменты, шприцы, перевязочные материалы?

— А вы кто?

— Я из банка.

— Можно подумать?

— Хорошо. Я завтра вам перезвоню.

На утро перезванивает:

— Решили?

— Можно одной строчкой?

— Давайте!

— А можно заказать рентгеновский аппарат?

— Можно.

Такого аппарата, как подарил нам тогда Коммерцбанк, не было ни в одной московской больнице. Вместо огромного агрегата, занимающего кабинет площадью 40 кв. метров, нам привезли компактный аппарат-стойку с дистанционным управлением. Потом этот же банк подарил больнице эндоскопический аппарат и артроскоп.

В то время этот немецкий банк заходил на российский рынок и искал возможность заявить о себе в разных сферах. Этому сотрудничеству мы были только рады. Нас спрашивали, что нужно больнице, и привозили в дар новейшее оборудование. После того, как сменился управляющий банка, дары закончились. Но мы очень благодарны нашему щедрому спонсору за все, что было сделано для улучшения условий лечения пациентов. Когда банк переезжал из офиса на Маяковке, они передали нам всю мебель, которая до сих пор стоит в кабинетах врачей.

В середине 1990-х 13-я больница начала делать эндоскопические операции. Они первыми начали эндоскопически удалять желчный пузырь.

О новом методе мы узнали, что называется, из первых рук — одну из наших сотрудниц оперировали в этой больнице и, как врач, она сразу оценила преимущество нового метода. Она позвонила нам из автомата, установленного в коридоре хирургического отделения, и рассказала о прекрасно проведенной операции. Больше всего ее поразило, что через несколько минут после операции она смогла самостоятельно ходить. Что сказать? Новые технологии! Сейчас эндоскопией владеют все хирурги, ее используют повсеместно.

Сразу после звонка коллеги один из наших лучших врачей, Олег Дмитриевич Граников, был делегирован в 13-ю больницу для знакомства с новым методом. Он вернулся под большим впечатлением.

Вскоре мы сумели приобрести необходимую аппаратуру и первыми в России внедрили эндоскопические операции у детей. Результаты были очень хорошими.

Олег Дмитриевич стал первым детским эндоскопистом России. Овладев этим методом, он обучил ему коллег. К сожалению, мы не додумались зафиксировать

его приоритет. Первенство закрепил за собой один из его учеников. Увы, лихостью в те времена отличались не только бизнесмены.

Позже мы узнали, что в клиниках Москвы появился электронный оптический преобразователь (ЭОП) — рентгеновская аппаратура, которая при проведении операций и исследований передает изображение на экран. У нас никак не получалось приобрести ЭОП. Я везде спрашивала, как можно получить эту технику для больницы, так что многие коллеги об этом знали.

И вот, звонит мне заведующий отделением из 5-й Градской:

– Мая Константиновна, я знаю, что вы мечтали об ЭОПе. Не хотите наш забрать? У нас он стоит нераспечатанный. Мы им не пользуемся, а вам для операций он пригодится.

Передачу ЭОП мы сначала оформили в райздраве, а затем перевезли к себе и тут же установили. Радости травматологов не было предела. Во-первых, облучение от этого аппарата минимальное, во-вторых, теперь они работали не вслепую, а точно видели на экране, что делают. Это очень помогает травматологу в работе.

Правда, чуть позже выяснилось, что заведующий отделением уезжал на постоянное место жительства в другую страну и не согласовал передачу аппарата с

заместителем главного врача по лечебной части. Она потребовала аппарат вернуть. Я сказала, что эта мечта моей жизни, а мечту не отдают. Но оформлено все было по-честному.

Выживать больнице в эпоху тотального дефицита помогали многие. Кто по зову сердца, кто из благодарности за спасение детской жизни.

Особую признательность хотелось бы выразить нашим шефам. Несколько предприятий района взяли шефство над больницей и помогали, чем могли, в ситуации, когда у самих проблем было не меньше.

В первые годы перестройки у многих предприятий денег не было, так что и с работниками, и между собой они расплачивались «натурой», то есть собственной продукцией. Бартер — одно из самых употребительных слов тех лет. Предполагалось, что полученную вместо зарплаты продукцию работники смогут кому-то продать и на вырученные деньги кормить семью. Люди выстраивались вдоль дорог с надеждой на удачу. В любую погоду с утра и до позднего вечера вдоль магистрали, ведущей, скажем, в Гусь-Хрустальный, стояли пенсионеры, отцы и матери работников стекольного завода, пытаясь продать хрустальные бокалы, светильники и всякую мелочь. И так было по всей стране.

Медицинские учреждения находились в безвыходной ситуации. Финансирование было

мизерным, а для бартера нам предложить было совершенно нечего, мы же не производство. Как получить самое необходимое – лекарства, бинты, шприцы? Где взять постельное белье, которое необходимо постоянно менять, ведь без соблюдения элементарных требований гигиены невозможно вылечить травму?

И вот – иду к директору ситценабивной фабрики Юрию Гавриловичу Медведеву.

– Юрий Гаврилович, помощи.

– Сейчас решим.

Вызывает помощницу.

– Посмотри на складе, что мы можем дать детской больнице.

Через некоторое время помощница возвращается с рулоном ткани. У меня вырастают крылья! Сколько комплектов белья можно сшить! Благодарю директора и лечу к своим. Но не успеваю закрыть за собой дверь, как в вдогонку слышу:

– Зачем вы это делаете?

Вот только выйдет за ворота и все продаст.

На секунду сердце перестаёт биться. Как такое вообще можно предположить? Но мгновенная реакция Юрия Гавриловича вновь окрыляет меня:

– Мая Константиновна? Как вам не стыдно! Она никогда ничего не продаст!

Когда Юрий Гаврилович умер, на поминках мы сидели каждый рассказывал о нем. Я рассказала эту историю. И вдруг женщина, которая сидела рядом со мной сказала – Я таких слов не говорила!

И еще не раз ситценабивная выручала нас, чем могла. Как же много зависит от человека, его порядочности и жизненной позиции. В очередной раз убедилась, что каждый судит по себе, со своей колокольни.

А постельное бельё для больницы нам сшили помощницы из Марфо-Мариинского благотворительного общества.

Марфо-Мариинское благотворительное общество

Помимо драматических событий годы перестройки способствовали возрождению традиционных в дореволюционной России благотворительных обществ. Одним из них было Марфо-Мариинское.

В 1990 году протоирей Борис Гузняков, актер Алексей Баталов и начальник управления делами

Минсредмаша СССР Владимир Огнев начали активную деятельность по его возрождению.

Причём, отец Борис и Алексей

Владимирович знали друг друга с самого детства, вместе росли в одном из дворов на Ордынке.

Учредителями общества стали Московская патриархия, 20-я детская больница и Минсредмаш.

Возрожденное благотворительное общество – преемник Иверской общины сестёр милосердия Российского общества Красного Креста. В конце XIX века она располагалась в трех бывших купеческих усадьбах на Большой Полянке и Малой Якиманке. В 1896 году сёстры открыли платную лечебницу для приходящих больных и небольшую больницу на шесть коек.

В военное время Иверская община готовила сестер милосердия для ухода за ранеными, а в мирное – за больными в госпиталях и лазаретах, больницах и частных домах. Сестры милосердия оказывали помощь раненым во время греко-турецкой, русско-японской и балканской войн, Ихэтуаньского восстания в Китае и Первой мировой войны. В годы Первой мировой Иверская община силами своего персонала и имущества организовала большой госпиталь на 400 коек, полевой лазарет и два подвижных госпиталя. В московских зданиях больницы развернули госпиталь для тяжелораненых.

После революции, в 1918 году, община прекратила существование и была преобразована в госпиталь, а в 1919-м на базе госпиталя открыли городскую больницу.

У общины было немало именитых покровителей, среди них генерал-губернатор Москвы Великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной. После смерти мужа Елизавета Федоровна удалилась от светской жизни и посвятила

себя благотворительности. Личное имущество Великая княгиня разделила на три части: одну передала в казну, вторую – ближайшим родственникам, а на средства, полученные от продажи третьей, создала Марфо-Мариинскую обитель.

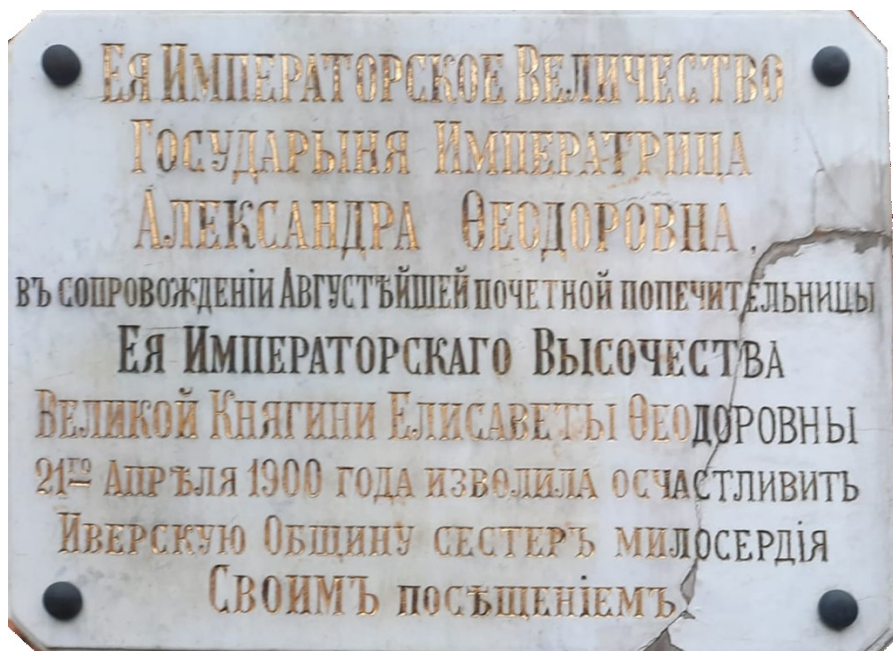
В 1918 году арестовывать Великую княгиню прибыл отряд латышских стрелков. Больше в обитель она не вернулась. Жизнь Елизаветы Федоровны оборвалась трагически – вместе с другими членами царской семьи была сброшена в шахту под Алапаевском. еще восемь лет обитель продолжала оказывать помощь всем нуждающимся, а в 1926 году была упразднена.

Одной из настоятельниц общины была внучка Александра Сергеевича Пушкина — Надежда Александровна. Здесь работала мать Марины Ивановны Цветаевой.

В 1909 году Иверскую общину сестер милосердия посетила императрица Александра Федоровна в сопровождении Великой княгини Елизаветы Федоровны. В память об этом событии была установлена доска. Когда мы восстанавливали храм Иверской иконы Божией Матери, построенный во внутреннем дворе Иверской общины сестер милосердия (ныне это одно из зданий нашей больницы), доску нашли на полу. С этой доской, как и

со многими событиями моей жизни, связана особая история.

Найденная плита была разломана. Мы ее восстановили, а повесить не успели. Когда хватились, поняли, что она исчезла. Как можно было ее украсть? Это же не книга, шариковая ручка или кусок мыла, которые легко спрятать и вынести, это тяжелая мраморная плита. Пропажа нашлась на даче одного из докторов больницы! Он умудрился не только украсть, но и употребить ее самым невероятным образом – она закрывала лужу под уличным умывальником. Люди не перестают меня удивлять!

Разумеется, плиту ему пришлось вернуть.

Восстановленную доску мы установили на фасаде церкви. Я считаю, что это большая ценность. Вряд ли сейчас есть здания, на которых была бы установлена памятная доска «Здесь были члены царской семьи...» А у нас есть.

Храм Иверской иконы Божией Матери на Большой Полянке

Храм
Иверской иконы
Божией Матери
был освящен в
1902 году. Средства
на его
строительство — 10
тыс. рублей —
пожертвовала
Елизавета
Семёновна, вдова
московского
городского головы
Ивана
Артемовича
Лямина.

Елизавета

Семёновна выделяла немалые суммы на помощь малоимущим, строительство храмов, богаделен, приютов. Благотворительность была у нее в крови. ее

Москва. Новый храмъ при Иверской общинѣ
сестеръ милосердія.

По фотогр. М. І. Грибова.

муж (так же, как и отец) был городским головой и отдавал значительную часть своих доходов на благие дела.

Архитектора храма Сергея Константиновича Родионова с семьей Ляминых связывали деловые и дружеские, а затем и родственные отношения. Создавая Иверскую церковь на Полянке он вдохновлялся образцами Владимиро-Суздальского зодчества XII-XIII веков.

Главной святыней храма был образ Иверской Божией Матери, помещенный в мраморный иконостас. Стены и своды были украшены фресками. Здесь же хранилось знамя общины.

В 1923 году церковь закрыли и стали использовать в качестве складского помещения. От долгого небрежения фрески и интерьеры постепенно разрушились, пострадали и фасады.

Когда я пришла работать в больницу, храм находился в удручающем состоянии. Он был весь завален хламом, иконостас давно сняли во исполнение каких-то распоряжений пожарной службы, куда подевались иконы, никому доподлинно неизвестно. Правда, когда расселяли общежитие, в комнате одной из старушек видели очень много икон. Возможно, она спасла их от гибели, но куда они делись после ее смерти, не знаю.

Когда мы решили восстановить храм, я поехала во Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПиК). Там мне сказали, что восстановлению подлежат здания не моложе столетнего возраста, которые имеют историческую или культурную ценность. На тот момент нашей церкви ста лет еще не было, и я предложила восстановить ее к юбилею, чтобы в день столетия церковь предстала во всей красе. Мои аргументы

возымели действие и нас включили в список объектов под реставрацию. Сразу появились помощники: в церковь прислали священника, а вместе с ним пришла его паства. Все они с энтузиазмом включились в работу, помогали разбирать склад, все чистили и мыли.

Первого настоятеля церкви пришлось поменять. Он попал в больницу и завел там роман с медсестрой. Это при жене и детях! К тому же, он был небескорыстен... Как-то рассказал мне, что паства решила помочь ему собрать деньги на машину. Как такое могло прийти в голову? Конец 1990-х, у большинства людей средств не хватает на самое необходимое, а ему машину подавай!

Видимо, до патриархии дошла какая-то информация и нам прислали нового настоятеля – о. Иеронима. У этого был свой крен. Он воевал со всеми – то с иудеям, то еще с кем. Тогда мне помогли написать письмо Алексею II о том, что храму при детской больнице войны не нужны, а нужно место, куда смогут приходить и молиться не только прихожане, но и пациенты и их родители. В мире и без того много бед, воинственность нам ни к чему. Так у нас появился отец Алексей Емельянов, человек необыкновенной души.

Нынешний батюшка отец Геннадий Егоров любим и уважаем всеми. Его отец Вадим Леонидович невероятно эрудированный и образованный человек, много лет был заместителем директора Государственного исторического музея. В семье не поняли желания сына стать священником и настояли на том, чтобы он закончил институт. Между прочим, отец Геннадий выпускник физико-математического факультета МГУ. Ну, а после того,

как, по его словам, «родители получили красный диплом», Геннадий ушел в церковь.

К нам он попал не сразу, сначала был направлен на послушание к отцу Алексею, работал в нашей больнице дворником. Дело было зимой. Рано утром он должен был расчищать от снега внутренний двор, по которому из корпуса в корпус снует персонал.

Барышни, выходя на улицу, легких туфель не

снимают, так и бегут на каблучках. А у нового дворника обнаружился один большой недостаток – он оказался «совой», не мог рано вставать на работу. Поэтому пока дворник спал, девушки своими изящными туфельками протаптывали по снегу тропинки. Иногда мы напоминаем нашему любимому батюшке, что дворник из него был плохой.

В связи с этим вспоминается еще одно «послушание». Появился у нас новый санитар. Все отмечали его сноровку, и то, как внимательно он относится к детям. Я как-то не выдержала, хотя не имею обыкновения вмешиваться в чужие дела, и спрашиваю:

– Кость, что же ты не учишься? Из тебя получится прекрасный врач.

– Да я, наверное, все закончил уже...

– Где ж ты учился?

– Я закончил институт.

– Какой?

– Медицинский.

– Кто ты по специальности?

– Я врач-лаборант.

– Боже мой! Столько времени ищу врача-лаборанта, а ты здесь горшки носишь!

Константин верующий, и церковь направила его к нам на послушание. Спасибо им! Теперь у нас прекрасный заведующий лабораторией. Он удивительный профессионал – по анализу может сказать, где у ребеночка искать проблему. И характер у него очень спокойный, идеальный для руководителя.

Я и сама не люблю повышать голос. Очень важно не делать сотруднику замечаний при посторонних, не унижать человека. В крайнем случае, всегда можно позвать человека на личный разговор.

Икона

На стене под потолком большой операционной была икона, испокон веку принадлежавшая больнице. Увидеть ее было невозможно, потому что после революции она была закрашена белой краской. Видеть ее мы не видели, но точно знали, что она там есть. Когда в операционной делали ремонт, икона со стены исчезла. Я провела следствие и нашла того, кто ее украл. Я ему сказала: «Если завтра не принесешь, подадим заявление в милицию».

Икону вернули, но то, что мы увидели, потрясло нас не меньше, чем факт воровства. В нескольких

местах вор соскоблил краску ножом, повредив изображение.

Двадцать пять лет эта икона, ободранная и неотреставрированная, хранилась в сейфе в моем кабинете. Раз в год я показывала ее на общем собрании, рассказывая новым сотрудникам о нашей истории и традициях.

Во время перестройки, когда в стране изменилась отношение к религии, на Кадашевской набережной открыли реставрационные мастерские, и я пошла к мастерам узнать, возьмутся ли они отреставрировать нашу икону.

– Оставляйте. Стоимость работ 800 рублей.

Самая высокая зарплата у нас тогда была 130 рублей, но я, не раздумывая, оставила икону в мастерской. Мне выписали счет, и с ним я пошла в бухгалтерию больницы, где у меня состоялся разговор с нашим главным бухгалтером Марией Ильиничной:

— Ты что, с ума сошла? Где взять 800

рублей?

— Если не сделаем, Бог накажет.— Я, конечно, заплачу, но отвечать будешь ты.

И заплатили. Никто, слава Богу, нас тогда не схватил за руку, и не пришлось оправдываться. Восстановленную икону мы повесили на место. Освещать ее приходил отец Борис Гузняков из храма на Большой Ордынке, благочинный нашего района, чудесный человек!

На этом детективная история с иконой не закончилась.

Мы проводили опись ценного имущества, частью которого, бесспорно, была и наша реликвия. Для описания нужно было уточнить надпись на тыльной стороне серебряного оклада: «Братья Плотниковы (или Постниковы?), поставщики двора Его Императорского Величества». Я попросила снять икону, чтобы проверить фамилию. Медсестра ее сняла, но надписи найти не смогла. Тогда я попросила принести икону ко мне в кабинет. И вот лежит она передо мной, а я не могу поверить своим глазам! Вместо серебряного оклада, который был на ней все эти годы, какая-то страшная железка, будто вырезанная из банки, а на обороте – никакого текста.

Когда же ее подменили? Возможно, при переносе в операционную нового корпуса. Зачем это сделали?

Очень больно, что это случилось в больнице, где я проработала всю жизнь.

Квартирный вопрос

Отдельный рассказ о том, как больница решала извечный московский вопрос – квартирный.

Мне довелось решать этот вопрос почти всю жизнь – и не для себя. Сперва я много лет занималась расселением жильцов старого больничного общежития, а потом помогала получать квартиры сотрудникам, нуждавшимся в улучшении условий жизни.

За первую такую квартиру мне пришлось долго воевать. Одна из наших хирургов жила большой семьей в очень стеснённых условиях. Она сама, трое детей, муж и свекровь, всего 6 человек, ютились в 18-метровой комнате. Каждый день она делала операции, дежурила и, конечно, я очень хотела, чтобы дома у нее была возможность отдохнуть, восстановить силы.

Пока в семье был один, а потом два ребенка, в постановке на учет ей отказывали, так как у них получалось на 3 метра больше, чем требовалось для получения квартиры. Когда родился третий ребеночек, появился шанс. Через несколько лет очередь на квартиру подошла, семья была первой в списке. Надо же было такому случиться, чтобы именно в этот момент в Москве произошла

реорганизация районов, и в каждой новой административной единице начали составлять собственные списки. Семья оказалась в середине очереди.

Я восприняла это как личную трагедию, даже плакала от невозможности смириться с такой вопиющей несправедливостью. Казалось бы, я, врач, должна быть выдержанной, ведь мы ежедневно видим столько боли и страданий, но слёзы лились от бессилия.

И вдруг на районном совещании я узнаю, что врачу соседней больницы дают квартиру в новом доме, и ее старая трехкомнатная квартира, таким образом, освобождается. Я ту же забила во все колокола и добилась того, чтобы эту квартиру дали многострадальной семье нашей сотрудницы.

И что же? Прошло несколько лет. Та самая сотрудница среди коллег стала говорить обо мне не совсем приятные вещи. Когда ее одернули, напомнив, сколько времени я потратила на получение для нее жилья, она неожиданно для всех огрызнулась:

– Ей (то есть мне) это было самой выгодно!

Воистину, не хочешь зла, не делай добра. Но как себя исправить? Наверное, я родилась на свет, чтобы помогать людям, видимо, такое у меня предназначение, а если кто-то воспринимает помощь иначе, Бог им судья. Знаю точно, что отвечать злом на

зло нельзя, нужно перевернуть страницу и идти дальше.

Помню, как-то осенью в помещениях было уже прохладно, но топить еще не начали. Это был первый год, когда нашу больницу перевели с угля на центральное отопление. Перевод был оформлен, а работы все никак не заканчивались. Спрашиваю прораба:

– Почему так затягиваются работы?

– Мы почти все завершили, но вот в комнате Ольги Тимофеевны варить трубы не можем.

– Почему?

– Если начнем, спалим всю больницу. Сварку нельзя проводить, когда в помещении столько хлама.

В то время на первом этаже больницы все еще располагалось общежитие, где проживал, в том числе, персонал больницы. Одной из его обитательниц была медсестра Ольга Тимофеевна.

Я не представляла себе, что должно быть в комнате, чтобы там нельзя было установить батареи. Пошла проверить, постучала в дверь, хозяйка, как обычно, высунула в щелку голову и телом заслонила вход. Пришлось ее слегка толкнуть. От неожиданности она отскочила и дала мне войти.

Картина, открывшаяся моему взору, не поддается описанию. В комнате был узенький проход, хотя хозяйка была дамой размеров необъятных. Как она передвигалась, не задевая накопленного хлама, уму непостижимо. Вся кровать, кроме крошечного островка-«пролежни», до потолка была завалена малюсенькими кулечками.

– Ольга Тимофеевна, где же вы спите?

– А вот здесь, напротив приемника.

Тут я обратила внимание, что напротив «пролежни» стоит приёмник. Она, бедная, садилась на кровать, а голову укладывала на приемник. И все ради чего? Только чтобы не выбросить ни одной бумажки, ватки, бинтика, которые она собирала по всей больнице, завязывала в узелки и пристраивала поверх накопленных ранее запасов. Чтобы продолжить ремонт, мы с двумя помощницами сутки расчищали эти завалы. А кофту, в которой пришлось провести несколько часов в этом помещении, я больше не смогла надеть ни разу.

Между прочим, на сэкономленных рачительной медсестрой материалах больница проработала некоторое время, ведь и бинты, и вата были в дефиците.

Кроме больничных запасов, в комнате обнаружился склад довоенных консервов, которые мы вынесли на помойку, так как все они были

просроченными. Как выяснилось, жильцы общежития долгое время этими консервами питались. Там даже нашлись куски довоенного мыла ТЭЖЭ. Хорошо помню рекламу этого мыла и магазинов повсюду.

После разбора комнаты Ольга Тимофеевна кому-то сказала:

– Это не главврач, а хулиганка какая-то!

Большинство обитателей общежития – медсестры, врачи и хозяйственный персонал 20-й детской больницы – заселилось сюда в годы Великой Отечественной войны. Позже все 76 жильцов общежития получили квартиры.

Расселение не всегда проходило гладко. При расселении жильцам предлагали переехать из «общественного здания» (больницы) в квартиры, где на 4-5 человек были ванна и туалет, в то время как в больнице все удобства располагались «в конце коридора». Одну из комнат расселили следующим образом: четверем жилицам, которые были друг другу родственницами, предоставили большую комнату в двухкомнатной квартире, а маленькую комнату в этой же квартире выделили женщине-инвалиду. Но четверо родственников встали намертво – не пускают «капиталистку» в отдельную комнату. Пришлось заселять инвалида через форточку. Именно так – молоденькая медсестра попала внутрь неприступной

квартиры, протиснувшись в форточку, открыла входную дверь ипустила хозяйку комнаты. История не была бы столько грустной, если бы так себя вели глупые молодые девчонки. А ведь всем переселенкам было за девяносто.

Расселение требовало серьезной работы. Как говорила моя коллега: «Мы с Маей Константиновной не одну пару обуви износили, пробивая квартиры».

В середине 1960-х к нам с проверкой пришли из Главного управления здравоохранения Москвы. Проверяющих поразили условия, в которых мы были вынуждены оказывать помощь травмированным детям:

– Это разве больница?

В одном коридоре находились ожидающие родители, по нему же передвигались, еле шевеля ногами, старушки-обитательницы коммуналок, и на всех, включая пациентов, был один туалет в боксовом отделении.

Получив квартиры, некоторые сотрудники уходили из больницы, так как часть квартир находилась далеко от места работы. Несмотря на то, что приходилось уезжать из центра города, люди были рады отдельному жилью. Лучше жить в своей квартире, чем по 8-10 человек в комнате, пусть даже у Кремля.

На отселение у меня ушло лет пять.

После отселения мы должны были провести реорганизацию освободившихся помещений, для чего требовалось предоставить проектно-сметную документацию. Но сметы на такие работы у нас не было. Где взять на нее деньги? И снова на помощь пришли люди, помогавшие нам совершенно безвозмездно – 5-я мастерская Моспроекта.

Что касается моей собственной квартиры, то я никогда не стремилась жить лучше тех, с кем работала. Долгое время мы впятером жили в маленькой комнатке, потом нам выделили небольшую двухкомнатную квартиру. В ней я живу до сих пор. В том же дворе, где прошло мое детство.

Несколько лет назад председатель нашего исполкома Юрий Иванович подвозил меня домой. Увидев, в каком доме я живу, он спросил:

– Что ж ты никогда не говорила, что тебе нужно улучшить условия?

– А зачем? Мне кажется, я нормально живу!

Он и сейчас, когда мы оба давно на пенсии, заходит в мою квартирку поздравить меня с днем рождения. Не забывает. И это главное, а не сундуки с жемчугами.

Эффективные менеджеры

Не так давно мне пришлось участвовать в конференции, посвященной актуальному состоянию здравоохранения. В ходе дискуссии одна из участниц откровенно заявила, что в результате реорганизации наша система здравоохранения, и без того запутанная, становится все менее эффективной, и рассказала о том, как сама пыталась записаться на прием к специалисту в районную поликлинику. Она озвучила то, что всем давно известно: в день обращения, то есть, именно тогда, когда человек нуждается в помощи, записаться на приём к специалисту невозможно.

– Что за глупость? Мне сегодня нужна помощь, я больна сегодня. Но инструкция предписывает: «Болен – вызывай врача на дом».

Договорить выступавшей не дали. Ведущая ее прервала и начала обвинять в том, что та, мол, сама виновата, не туда пошла, не о том спрашивала.

Когда подошла моя очередь, я, глядя в лицо ведущей, сказала:

– Нужно дать людям высказаться и только после этого делиться собственным мнением и объяснять,

что сделано правильно, а где допущены ошибки. Я вас уверяю, что после ваших ремарок никто из присутствующих не захочет участвовать в обсуждении.

Так и получилось.

– Кто еще хочет сказать? – снова обратилась к участникам ведущая. Но зал молчал.

Тогда ведущая снова обратилась ко мне, и я взяла слово. Мне было что сказать собранию.

– У меня только один вопрос: кто позволил проводить реорганизацию в системе здравоохранения без публичного обсуждения? Если вы беретесь за реформы, которые затрагивают все население, люди, ради которых, как вы утверждаете, они проводятся, должны знать, для чего все это затевается и к чему приведет. Если мы будем понимать, что нас ждет впереди, мы спокойнее переживем временные трудности.

И привела пример из собственного опыта. Рассказала, как коллектив больницы изыскал внутренние ресурсы и в течение 25 лет при отсутствии ставок обеспечивал в работу отделения реанимации и интенсивной терапии. И хотя работать было непросто, мы знали, что это позволяет маленьким пациентам выжить, все понимали для чего мы работаем.

Возвращаясь к теме конференции, я сказала:

– Почему бы организаторам здравоохранения не обсудить сегодня с людьми, что планируется сделать и для чего. Почему бы не объяснить им, что через год-два, когда все привыкнут к нововведениям, будет то-то и то-то, будет больше возможностей и так далее. Но с людьми вообще никто не разговаривает.

Нынешний реформатор хорошо известен в нашей среде. С предыдущего места работы его выгнали за махинации, а сейчас он сидит в высоком кресле и масштабы его махинаций выросли в разы. На сегодняшний день закрыты 35 больниц. Скорее всего, их продадут или передадут в «надежные» руки. Набьют мошну и на этом дело закончится.

Что касается нашего профиля, травматологии, здесь нынешний заместитель мэра по социальной политике демонстрирует удивительную неосведомленность, которая просто пугает. По его мнению, любой, кому не повезло получить травму в ночное время, не имеет шанса до утра попасть в травмпункт. Ведь ночные травмпункты нужно закрыть, кому они нужны? Пусть бедняга терпит до утра. А если невтерпёж, пусть обращается в службу скорой помощи, только там ничем не помогут – карета скорой не оборудована рентгеном.

Медицина стала бизнесом. Это настоящая беда.

Донецк, наша боль

Мне так невыносимо жалко людей. Только что поговорила со своей коллегой Риммой Шевченко. На днях Рошаль договорился, чтобы она смогла переехать из Донецка в Ростов. Там даже нашли ей место работы в больнице. Возраст у нее такой же, как у меня, за 80. Я ей сказала, «Римм, не рассчитывай, что ты доктором будешь в России работать, если только в сельской местности». Ждем, когда же она наконец, уедет из военного Донецка. Звоню:

– Почему не едешь?

– Не могу, много раненных.

Она работает в больнице в Донецке.

К сожалению, есть молодые люди, которые относятся к этому без сочувствия, говорят, «сами эту кашу заварили». Я много об этом думаю. Получается, у нас выросло совершенно упущенное поколение. У них обо всем очень поверхностное знание, судят по случайным, не связанным между собой фактам. Нет базовых знаний, ни истории, ни традиций. Видимо, школой и семьей что-то важное в воспитании упущено. Как же можно называть свой народ и страну «эта свалка»? Как можно о горе братского народа говорить с улыбкой, с издевкой? Как мне это больно.

Служение Богу и людям

Кремлевский дворец. Церемония награждения. Удивительно! Среди награждаемых я. Когда вышла на

вручение ордена, очень волновалась, о чем тихо сказала Президенту.

— Очень волнуюсь.

— Я тоже, — ответил он, тоже тихо.

— А вы почему?

— Боюсь вас уколоть. Обойдемся без потерь, надеюсь. Орден он мне осторожно прикрепил к лацкану, и наступила моя очередь выступать. Я сказала о том, что я очень счастливый человек.

Я получила образование и после этого имела возможность всю жизнь заниматься любимым делом

– лечить детей! Все результаты работы клиники, конечно, заслуга не моя, а всего нашего коллектива, потому что мы служим Богу и людям.

Выступив, поняла, что забыла, что по регламенту церемонии после вручения ордена я должна была повернуться к фотографам и сделать фото с президентом. Когда церемония закончилась и всем предложили по бокалу шампанского, я подошла к Путину и сказала:

— Помните, я сказала вам, что волнуюсь?

— Да, помню.

— Так вот, я забыла с вами сфотографироваться.

Путин повернулся к сопровождавшим его фотографам и нас тут же сфотографировали.

А несколько лет назад меня наградили орденом Святой Анастасии. Мою маму зовут Анастасия. Совпадение? Наверное, нет. Судьба.

Как-то я была приглашена в консерваторию на концерт, где одним из гостей был наследник российского престола в изгнании. Гостей попросили прийти с орденами. Я надела только орден Св. Анастасии. Когда пришла, оказалось, что я одна с таким орденом. Гости стали подходить спрашивать, что за орден. Сколько народу набежало смотреть! Вот какой он красивый! Это династический орден Российского Императорского дома, а мои мама и папа – рабочие.

Очень не хотелось бы, чтобы после того, как я отработала всю жизнь на наше общее большое дело, мне сказали: «Больше в вас не нуждаемся. До свидания».

Главным врачом больницы №20, а потом НИИ неотложной детской хирургии и травматологии я проработала больше 50 лет. Очевидно, выход на

пенсию неизбежен. Но пусть все будет по-человечески.

С молодости помню уход на пенсию одного прекрасного хирурга. Он проработал в нашей больнице всю жизнь, пользовался всеобщим уважением. Но пришло время, и хирург стал плохо видеть, руки перестали слушаться его в полной мере. Мы до последнего оттягивали его выход на пенсию. Помню, как он страдал, как не мог принять мысль о том, что дело его жизни будет продолжено без него. Мы устроили для него праздник, все коллеги выказали ему свою любовь и благодарность. Он был очень тронут. В конце церемонии вручили ему символический ключ: для вас двери больницы открыты всегда. Но больше он в больницу ни разу не зашёл.

Всегда старалась быть в форме.

Мои коллеги и пациенты давно привыкли, что я всегда хожу на каблуках. Ведь так важно, чтобы врач не вызывал своим замученным видом сочувствия, а внушал уверенность в том, что он обязательно поможет. Женщин это касается вдвойне.

Всегда старалась быть в форме. Когда я работала участковым врачом, зарплата была униженительно низкая, жить на неё было невозможно. Поэтому с основной работы вечером бегом на неотложку, после смены бегом в бассейн «Москва». Поплавала, немного

поспала и снова бегом на работу. Так работали почти все врачи, выполняя работу за двоих, а то и троих – носились по нескольким участкам, брали дополнительные часы. Бассейн меня спасал, иначе я бы не выдержала тех физических нагрузок, которые на меня свалились. На работу к 8:30 утра и, если нужно, до ночи. Работа забирала всю энергию, да, наверное, и всю жизнь...

Моя дочка Мариша говорила:

– Мам, я тебя в детстве не помню.

Сегодня с улыбкой вспоминаю, как вечерами, оказавшись дома и переделав все дела, я садилась поднимать петли на колготках. Многие помнят, какое это утомительное занятие. Колготки были большим дефицитом, их занашивали до дыр. Если появлялась дырочка, колготки надевали на стакан и крючком поднимали спустившиеся петли.

Что сказать? Образ жизни. В каждом доме так делали. Штопали, конечно, не только колготки. Главный принцип в одежде – она должна быть чистой, опрятной и без дыр. А уж сколько раз это штопано-перештопано – неважно.

И вот настали другие времена. Кажется, все изменилось. Но осталась привычка к бесконечному преодолению самого себя и обстоятельств.

Наверное, это связано не с решением конкретных проблем, а с состоянием, из которого мы почему-то никак не можем выйти. Когда мы научимся жить иначе? Думаю, я не зря прожила жизнь. Сделала все, что хотела. Между прочим, я даже летала над водой. Было мне 75. В отпуске

увидела аттракцион – полет за лодкой на парашюте. Конечно, я рискнула и мне очень понравилось. Испытала чувства, ни с чем не сравнимые.

Бухрашвили Мая Константиновна

К 90-летию Маи Константиновны Бухрашвили

Петлах В.И. К 90-летию Маи Константиновны Бухрашвили // Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии. 2021. Т. 11, № 2. С. 227–231. DOI: <https://doi.org/10.17816/psaic970>

В этой рубрике нашего журнала публикуются материалы о юбилеях — детских хирургах и анестезиологах-реаниматологах, внесших значительный вклад в прогресс своих специальностей, и впервые размещается статья о главном враче. Объясняется данный факт двумя причинами:

во-первых, главный врач руководил не совсем обычной больницей, а именно: Детской городской больницей № 20 им. К.А. Тимирязева, созданной в 1934 г., единственным в Москве, Советском Союзе и России специализированным стационаром по оказанию экстренной медицинской помощи детям с острыми хирургическими заболеваниями и

травмами. И вторая причина — незаурядная личность самого главного врача, профессиональная жизнь которого была направлена на создание благоприятных условий для развития детской хирургии.

Биография

Мая Константиновна Бухрашвили родилась в Москве. Великую Отечественную войну она встретила ученицей школы № 528 и уже в возрасте 12 лет вместе со всем классом после занятий шла на швейную фабрику, где пришивала пуговицы, обметывала петли на армейском обмундировании — дети помогали фронту и получали рабочую карточку, так работали до 1945 г. После окончания средней школы Мая Константиновна поступила в Третий медицинский институт, проучилась год и перевелась на педиатрический факультет во 2-й Медицинский институт им. Н.И. Пирогова, по окончании которого в 1957 г. трудилась в детской поликлинике № 18 Москвы участковым педиатром и, пройдя специализацию в Русаковской больнице, совмещала должность детского хирурга. В 1963 г. Маю Константиновну назначили главным врачом Детской городской больницы № 20 им. К.А. Тимирязева. В этой должности она проработала до ликвидации учреждения в 2004 г., а затем еще осталась главным врачом созданного НИИ неотложной детской хирургии и травматологии до выхода на пенсию в

2014 г. Таким образом, ее стаж в должности главного врача составил 50 лет.

Главный врач

Главный врач в отечественных условиях в первую очередь должен быть хорошим хозяйственником. Мая Константиновна приняла больницу, мягко говоря, в неудовлетворительном состоянии: здания бывшей больницы Общины сестер милосердия, построенные в 1896 г., нуждались в постоянном ремонте, палаты не соответствовали санитарным нормам, коммуникации были изношены. И Мая Константиновна проявила недюжинные организаторские способности, затратила много энергии, времени, личного обаяния для того, чтобы больница постоянно развивалась: и это не только текущие ремонты, но и коренная реконструкция плохо приспособленных помещений для полноценного функционирования скоромощного стационара. С каждым годом что-то прибавлялось: новый хорошо оборудованный пищеблок, закрытый переход между корпусами, центральная стерилизационная, «чистая» операционная, помещения для компьютерного томографа. Она прекрасно понимала, что популистский лозунг «Хороший хирург может оперировать и в сарае!» можно оставить для средств массовой информации, а для выполнения хирургических вмешательств, кроме квалифицированного персонала, нужны

соответствующие всем правилам асептики операционные с современным медицинским оборудованием, диагностические, лечебные и реабилитационные отделения, вспомогательные службы. И Мая Константиновна этим постоянно занималась, что было невероятно трудно при постоянном дефиците бюджетного финансирования и бюрократических строгостях постатейного распределения средств. Иногда приходилось нарушать инструкции, в таких случаях она говорила: «Мы делаем не для себя, а для детей. Пусть потом накажут». Она не боялась рисковать, и всегда выигрывала. Еженедельно она проводила обходы подразделений больницы, и ни одна мелочь не ускользала от ее внимания, тут же принимались меры по устранению недостатков. Но главный врач должен быть не только хозяйственником. Мая Константиновна всегда поддерживала рациональные идеи хирургов по совершенствованию лечебно-диагностического процесса в больнице и всячески способствовала этому. Так, всеми правдами и неправдами она «добыла» рентгеноаппарат с ЭОПом (электронно-оптическим преобразователем), 1963 г. выпуска, производства ГДР. Этот аппарат совершил своего рода революцию в травматологии, поскольку у врачей появилась возможность контролировать процесс репозиции переломов, а не облучать многократно детей и себя, делая контрольные снимки. С помощью этого аппарата начали выполняться миниинвазивные операции. С учетом

большого числа пациентов с черепно-мозговой травмой было создано отделение нейрохирургии, оснащено и укомплектовано отделение реанимации и интенсивной терапии. В названии больницы первоначально отсутствовал термин «клиническая», но таковой она была, по сути, являясь клинической базой Центрального института травматологии и ортопедии, которую возглавлял Николай Григорьевич Дамье, создавший на основе материала больницы первое отечественное руководство по детской травматологии. Врачи больницы активно занимались научной работой: анализировали результаты лечения, писали статьи, выступали на заседаниях хирургических обществ, защищали диссертации. И главный врач активно поддерживала эту деятельность. Когда ее заместитель по лечебной работе Евгений Иосифович Финкельсон предложил использовать лапароскопию в диагностике острого аппендицита, такого опыта в педиатрической практике ни в Москве, ни в СССР ни у кого не было, а было много скептиков и противников, но Мая Константиновна приобрела лапароскоп Ленинградского завода «Красногвардеец», и хирург Олег Дмитриевич Граников первым начал активно применять эту методику в неотложной хирургии. Затем хирурги больницы освоили лапароскопию, в каждой дежурной бригаде был врач, владеющий этим методом. Впоследствии на базе больницы обучались хирурги из стационаров Москвы, Горького и других городов. У Маи Константиновны была отличительная

черта — стремление к совершенствованию работы, в больнице развивалась научная организация труда (НОТ), оформлялись рационализаторские предложения, еще в 70-е годы XX века были заказаны в типографии шаблоны протоколов операций, которые заполняли на пишущей машинке и вклеивали в историю болезни и операционный журнал. Как только появились первые компьютеры, было выделено специальное помещение, закуплен и установлен очень громоздкий отечественный аппарат «Искра», обучены сотрудники. Все это очень пригодилось в последующем, когда все отделения больницы были оснащены компьютерной техникой и все отчеты и выписки оформлялись с ее использованием. Если ребенок получает травму, нередко страдает и его психика, поэтому в больницу были приглашены на постоянную работу медицинские психологи, в то время и ставки для них в штатном расписании отсутствовали. Как и не было ставки юриста, роль которого приходилось выполнять главному врачу, поэтому Мая Константиновна неоднократно изучала медицинское право на циклах тематического усовершенствования. И, наверное, впервые в Москве в 1990-х годах был заключен договор со страховой компанией о юридической ответственности врачей хирургов, анестезиологов-реаниматологов и медсестер-анестезистов. Переход на систему обязательного медицинского страхования (ОМС) был очень болезненным для лечебных учреждений, но «мы должны играть по тем правилам,

которые нам навязали». Поэтому Мая Константиновна детально проработала документы по ОМС, затем специально посетила клинику Святослава Федорова для изучения опыта работы в системе ОМС и принципов премирования персонала. Результаты анализа полученных сведений позволили внедрить рациональные методы взаимодействия со страховыми организациями, и больница успешно функционировала в новых условиях, а сотрудники имели материальные поощрения. Но основная заслуга главного врача — формирование слаженного коллектива. Заступив на эту должность, Мая Константиновна была молодой женщиной и не имела солидного опыта управления, а коллектив врачей состоял из хирургов, прошедших Великую Отечественную войну, но она сумела найти общий язык со всеми и достаточно быстро завоевала авторитет своим умом, трудолюбием и справедливым отношением к людям. Приоритеты были расставлены четко: основные — это лечебные отделения, а остальные — кадры, бухгалтерия и другие подразделения должны обеспечивать бесперебойную работу первых. Мая Константиновна постоянно заботилась о повышении квалификации сотрудников. Врачи и медицинские сестры регулярно учились на циклах, курсах усовершенствования и на рабочих местах, получали квалификационные категории. Главный врач была председателем аттестационной комиссии по специальности «сестринское дело» Департамента здравоохранения г. Москвы. Мая

Константиновна хорошо знала всех (почти 200 человек) сотрудников, помогала в решении жилищных, медицинских и бытовых проблем. Двери ее кабинета всегда были открыты. Распределение премий всегда проходило прозрачно с учетом коэффициента трудового участия, который определял заведующий отделением, каждый сотрудник знал, что его труд и инициатива будут достойно оценены. Или вот такой факт: на общем собрании коллектива было принято решение о выделении врачам, медсестрам и санитаркам, ушедшим на пенсию и проработавшим в больнице не менее 30 лет, ежемесячно выплачивать по 1000 рублей. Не последнюю роль в успехах главного врача играла и ее манера общения: искренняя, интеллигентная. Это помогало устанавливать контакты с руководителями здравоохранения и городскими властями. Мая Константиновна могла на равных разговаривать и с санитаркой, и с академиком. У нее были прекрасные отношения со всеми ведущими детскими хирургами Москвы: Юрием Федоровичем Исаковым, Станиславом Яковлевичем Долецким, Эдуардом Александровичем Степановым, Вальтером Михайловичем Державиным, Вахтангом Панкратовичем Немсадзе и другими врачами и научными сотрудниками.

Клиницист

Мая Константиновна приобрела очень хорошую клиническую подготовку и в течение многих лет консультировала поступивших больных в качестве педиатра, помогая установить истинную причину заболевания. Она стала блестящим диагностом и нередко, осматривая больных с отмененным диагнозом острого аппендицита, рекомендовала хирургам вернуться к нему, и эти пациенты в большинстве случаев были оперированы.

Общественный деятель

Маю Константиновну неоднократно избирали депутатом Октябрьского Совета народных депутатов. В 1997 и 1999 гг. она была избрана советником районного Собрания. С 2004 г. стала депутатом муниципального Собрания муниципального образования Якиманка. Мая Константиновна была инициатором восстановления Храма Иверской иконы Божьей Матери, расположенного на территории больницы. В 1993 г. храм вновь открыл свои двери. Были сохранены и реставрированы исторические реликвии учреждения со времен его создания. Звания и награды Заслуженный врач Российской Федерации, Почетный донор СССР. Награждена правительственными наградами: «Знак Почета», «Орден Дружбы», «Орден Пирогова», медаль «В память 850-летия Москвы»; общественной наградой: медалью ордена «За профессионализм и деловую

репутацию». Президиум Российской ассоциации детских хирургов, редакция журнала «Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии», коллеги и друзья поздравляют Маю Константиновну с Юбилеем!!!

Мамайчик и все-все-все

Когда мы вспоминаем свою жизнь, она нам представляется в виде кинокадров, таких маленьких сюжетов-зарисовок. Из этих новеллок и состоят наши воспоминания. Нанизанные на ниточку памяти, они, собственно, и составляют нашу жизнь.

Как замечательно сказал мой муж Миша «Текст воспоминаний мозаичен, потому что память мозаична. А упорядочивать мозаику – только ее портить».

Вот так «мозаично» я и буду рассказывать о жизни моей мамы – Мамайчика. Буду рассказывать о замечательных людях, которые были в нашей жизни, о своем детстве, в котором зримо и незримо

присутствовала мама, о главном – и любимом детище ее жизни – 20-й детской больнице.

Когда я была совсем маленькой, я сказала маме: “Знаешь, раньше я думала, что ты у меня самая красивая”. Мама спросила: “А теперь?”. “А теперь я точно знаю, что ты самая красивая”. Мама всегда выглядела восхитительно. Когда она гуляла с маленьким внуком Мишуней, все принимали его за ее сына.

Сразу расскажу, откуда взялось имя Мамайчик. Как-то раз она забежала к нам домой – между работой, совещанием, приемом жителей (долгое время она была народным депутатом). Ворвалась, как вихрь, пролетела по комнатам, что-то переложила, что-то прибрала, быстро помыла посуду и упорхнула дальше по делам. А мы, как стояли с открытыми ртами, так и остались стоять. И тогда мой муж Миша сказал сакраментальную фразу: “Ну, как Мамай прошел!”. Вот так она и стала Мамайчик (маленький Мамай). Это имя настолько отвечает ее характеру, что теперь ее так зовут все – мы в семье, сотрудники в больнице, школьные и институтские друзья.

Родители поженились, когда им было по 19 лет. Отец перешел на 2-й курс Третьего меда, а мама училась на 1-ом. Продолжили учебу они в Рязани, а потом в Саратове, куда папа перевелся на военно-медицинский факультет тамошнего университета. Мама об этом писала.

Из забавного.

Родителям на свадьбу подарили детский горшок. Голубой, в мелкую крапинку - красивый! Для будущего наследника. Но до наследника было еще далеко. И родители приспособили горшок для приготовления еды. И как-то привыкли к этому. Когда к ним приходили гости, горшок с едой ставился на стол. Представляете, какой шок был у неподготовленных! Я этот горшок очень хорошо помню, так как использовала его по назначению.

На первой странице сверху. Сохранилась только одна фотография маминого папы – она вставлена в ее воспоминания и единственная его подпись

Далее-мама в окне нашей комнаты в коммунальной квартире Новокузнецкая д 30. Ниже мама 6 курс и уже со мной. Наш семейный раритет–плюшевый мишка, которого одноклассники принесли ей в род дом. Рядом – папа с мамой и я с мамой

На второй странице просто замечательные молодые мамыны фотографии, которые говорят о том, что в женщине должно быть все прекрасно.

И фото с моего выпускного вечера, где мама самая красивая.

На 3 странице. Мама управляет яхтой. На лошади (рядом Ливи Данелия – однокурсник папы и замечательный хирург из Кутаиси).

Далее мама на горнолыжном курорте. Взмывает в небеса и занимается йогой (это ей было 70 лет).

На добрую память
моей младшей дочке Марине
от мамы Ксении
1/5-40г. Бураша

Я родилась, когда мама училась на 6-ом курсе. После института она работала в поликлинике участковым врачом и по ночам подрабатывала на скорой – деньги были нужны. Со мной сидела бабушка. Почему я об этом пишу... Потому что те редкие мгновения, когда я могла видеть маму дома, были для меня большим счастьем. Когда ее не было, я сидела в обнимку с маминой ночной рубашкой, вдыхая родной запах.

История свитера

Мама еще в войну научилась хорошо вязать, когда вязала для фронтовиков (о чем она писала в своих

воспоминаниях). Так вот: когда в 7 классе я уезжала на весенние каникулы в Одессу, мама за ночь мне связала свитер. Правда, один рукав оказался на много длиннее другого, но это было неважно! Я была очень стильная! Я и сейчас люблю этот свитер.

На первой фотографии я в нем с папой, мамой и собакой Даной. А на второй – на этом же самом месте с мамой и в любимом свитере.

История берета

Этот берет был связан в Рязани, когда мама поступила в институт. И он жив и здоров по сей день.

А потом мама прошла специализацию по хирургии и ей поступило предложение стать главным врачом 20-й детской больницы им К.А. Тимирязева. За это обещали дать отдельную квартиру. Мы все жили в коммуналке в одной комнате. Папа диссертацию писал по ночам в ванной.

Это было счастье! Крохотная квартирка со смежными комнатами и совмещенным санузлом, с сидячей ванной казалась нам казалась хоромами! Однажды к нам пришла в гости знакомая, огляделась и сказала: «Я даже не знала, что сейчас люди могут так жить». Почему я об этом пишу? Потому что мама так и живет в этой квартире, хотя у нее были возможности переехать в лучшую.

Ей это все было неинтересно. Главной своей задачей она считала «построение коммунизма» в отдельно взятой больнице. Вся ее жизнь была посвящена больнице, медицине и людям.

Только представьте себе – она стала самым молодым главным врачом – в 31 год – и проработала им более 50 лет! Я много раз слышала, как о ней говорят: «Мая Константиновна Бухрашвили – это легенда!».

Она создала прекрасную больницу с прекрасным коллективом, которую знала и любила вся медицинская и немедицинская Москва.

Ради достижения высшей цели она была готова идти напролом. Какие только выговоры ей не объявляли!

Она великолепный организатор. Если бы она стала министром здравоохранения, такого безобразия, как сейчас, она бы не допустила. Она была не только замечательным администратором, но и квалифицированным специалистом – хорошо знала хирургию, травматологию, рентгенологию, эпидемиологию, инфекционные болезни и педиатрию. А также была юридически подкована.

Помню, однажды позвонил кто-то из друзей – заболела взрослая дочка. Мама молча выслушала рассказ, а потом сказала: «Это корь. Завтра появится сыпь». И была права.

Больница была ее любимым детищем, и к сотрудникам она относилась, как к собственным детям. Заботилась о них. Она знала всех сотрудников и членов их семей. Мало кто задумывается о том, что наши санитарки, многие из которых живут в Московской области, тратят на дорогу не только время, но и деньги (при очень скромной зарплате). Мама об этом думала и старалась по возможности компенсировать им эти затраты.

Как мне тут сказали в разговоре: «Мы же пережили 90-е годы благодаря Мае Константиновне. И денежкой помогала, и продуктами, и лекарства все были».

Сотрудникам она помогала с получением квартир, с устройством детей в садики и в школу, с лечением. В коллективе были семейные отношения. Даже ссорились и мирились по-домашнему. Нужно сказать, что очень много сотрудников проработали в нашей больнице всю жизнь. И дети их приходили к нам на работу.

Из забавного.

Раньше не было принято пускать родителей к детям, да и условий для этого не было, поэтому дети писали записки родителям. Педагоги за этим следили, напоминали и помогали. Но существовала обязательная цезура. А то после фразы «мама, я

умираю, забери меня домой», пришлось бы и родителям неотложную помощь оказывать.

Целая коллекция таких забавных записок была у Олега Граникова. Приведу две из них, которыми мы и сейчас регулярно пользуемся в жизни.

«Мама! У меня все в порядке. У меня сломан таз (жопный)». «Жопный таз» – это наша классика!

«Мама! Кормят здесь хорошо и помногу. От этого говна у меня понос». Какая прелесть!

А какие праздники устраивали в больнице! Готовились все вместе, весело и дружно! Мама пережила голодные времена и для нее очень было важно накормить всех досыта. Она всегда волновалась насчет еды, стремилась, чтобы ее было много, говорила: «Пусть люди поедят».

Оперблок отвечал за «клюковку» В честь старшей сестры оперблока Люды Евдокимовой наша версия именовалась «Евдокимовкой». Что и было отражено на художественно оформленных этикетках.

Нужно сказать, что ко мне и сейчас подходят сотрудники, которые работали еще в 20-й больнице, просят передать маме привет и пожелания здоровья. Говорят, что практически каждый день вспоминают ее добрым словом. Рассказывают, как было приятно работать, как внимательна она была к ним и членам их семей, как всем помогала. И говорят одними и

теми же словами: «Мы шли на работу, как на праздник!»

Когда сейчас в приемном отделении я слышу от сотрудников скорой помощи: «Мы в двадцатке» или «мы в Тимирязевке», радость наполняет мою душу. Значит, мама не зря отдала жизнь нашей больнице!

Утреннюю конференцию она всегда заканчивала фразой: "Конференция закончена. Пошли хорошо работать".

И еще. Молодым докторам говорила: «Запомните навсегда: перед вами стоят родители больных детей, а за вами стоит прокурор».

А для больных детей должны быть все назначенные препараты. Никаких обращений к родителям. Назначено – значит, будут!

Помогала во всем и всегда. Однажды мы с ней ехали в метро. Мама сидела, а перед ней стоял мужик, прижимавший к груди огромный арбуз. Мама посмотрела на него, покопалась в сумочке, достала пакет и протянула ему. В этом маленьком сюжете – вся мама.

Если дом построен без фундамента, долго он не простоит. И в жизни точно так же. Если люди не знают, не помнят и не ценят свои корни, это слабая система. В медицине это понимаешь особенно ясно. После пресловутой оптимизации, которая больше

похожа на уничтожение здравоохранения, многие коллективы развалились. «Распалась связь времен...»

Какую гордость я испытываю, когда вижу, что у нас молодое поколение не забыло тех, кто их учил, передавал свой опыт. Есть надежда, что и последующее поколение будет помнить и ценить своих учителей. Значит то, что культивировала в больнице моя мама, живет и дает новые плоды.

Из забавного.

Как-то мама судилась со своим замом по АХЧ – она его уволила, и он подал в суд. А она выигрывала все суды, на которые всегда приходила большая веселая группа моральной поддержки в лице сотрудников. Так вот, спустя полгода он пришел к ней в кабинет, поцеловал руку и предложил выйти за него замуж. Прямо киношный сюжет!

Мамайчик умеет дружить в высшем понимании этого слова. Все люди, которые по каким-то поводам оказывались рядом, становились ее друзьями. Она всем помогала и все приходили ей на помощь в трудные минуты. Она никогда ничего не просила для себя – просила для других и для любимой больницы. Благодаря помощи друзей в трудные времена удалось не только сохранить больницу, но и сделать ее институтом.

Примечательно, что дети и внуки друзей тоже стали мамиными друзьями, которые нежно ее любят и не забывают.

Мама рассказывала, что когда она пришла работать главным врачом и начала наводить порядок, многие сотрудники приняли ее в штыки и стали ставить палки в колеса. Тогда она подошла к зачинщику, взяла его (или ее) за пуговицу и сказала: «Вы хотите, чтобы я ушла. Так вот, я не уйду!» Я не знаю, кто это был, но знаю, что этот человек тоже стал другом.

Мама всегда говорила: я пришла работать главным врачом к Николаю Григорьевичу Дамье. Николай Григорьевич – основоположник детской травматологии, его книга – самый первый труд, по которому училось поколение детских травматологов. Мама его очень уважала и не уставала рассказывать о нем молодым докторам. И открыла мемориальную доску в его честь. Чтобы знали и помнили!

Удостоверение мамы к памятной медали

Ниже – Мама открывает памятную доску Дамье (счас это на 1 этаже травмопункта).

Слева – фото начало работы мамы.

Среди сотрудников – Дамье, Заикин, Финкельсон. Ниже – праздник – Кира Евгеньевна (многолетняя старшая сестра опреблока). Мама. Дамье. Гинзбург.

Ниже – на открытии памятной доски – Елена Борисовна Генина, Марина Дамье (дочь) и я.

Крещение

Мамайчик крестилась совсем недавно. Лет в 85. Крестил ее епископ Пантелеймон. Настоятель храма святого благоверного царевича Димитрия при первой градской больнице. Духовник свято- димитриевского училища сестер милосердия.

Собственно он долго уговаривал маму и уговорил наконец.

Мы тщательно готовились. Купили крестик с цепочкой. Откопали рубашку, которую мама привезла из Израиля, в которой она окуталась в реку Иордан. Подобрали красивые шлепки. Ну и, конечно, маникюр, педикюр, стрижка, краска - мы же девочка! Все было очень торжественно, красиво, тепло и душевно! Фотоотчёт прилагаем!

Из забавного.

На какой-то большой праздник. Отец Алексей пригласил нас на службу в храм Николо на Кузнецях. Пока я парковала машину, мама куда то потерялась - храм большой. Я ее еле нашла. Она просочилась в первые ряды и с большим интересом воспринимала службу. Когда служба закончилась, выяснилось, что она уже с кем то задружилась и активно общалась.

Епископ Пантелеймон наш отец Алексей

Мне сказала « Мне очень все понравилось. Какое красивое пение. А где можно приобрести песенник со словами?»

Мне очень хочется упомянуть замечательных людей, которые шли с мамой по жизни. Их было много. Это сотрудники нашей больницы, друзья детства и юности, дачные друзья.

«Двадцатка» и «Тимирязевцы»

Начнем с тех, кто создавал нашу больницу, кто был ее «костяком», формировал и воспитывал ее уникальный коллектив.

Елена Борисовна Генина и Гарри Михайлович Гроссман

Легенда нашей больницы – Елена Борисовна Генина, замечательный диагност и отличный хирург. Скольких молодых хирургов она воспитала! Очаровательная, красивая женщина. Нужно сказать, что когда я была маленькая, то говорила, что я хочу стать доктором, как Елена Борисовна. С неизменной «беломориной» в элегантных пальчиках (мама безуспешно с боролась с ее курением). Однажды она сказала ЕБ (так ее звали в больнице): «Елена Борисовна, прекратите дымить мне в лицо! Отвернитесь!» ЕБ нежно улыбнулась и ответила: «Тогда я буду на вас пукать».

Из забавного.

Когда появился винпоцетин – практически первый препарат, который должен был улучшать память, ЕБ его достали, и она его пила курсом. Собравшись на перекус, мы хором напоминали ей, чтобы она не забыла его выпить. А когда курс закончился, она забыла его название! Мы дружно веселились!

Как-то раз, будучи школьницей, я пришла в дежурку старого корпуса и попала на дежурство Елены Борисовны и Гарри Михайловича.

Гарри Михайлович готовил ужин на бригаду – жарил шампиньоны, которые собрал в нашем больничном садике. И картошечку. Это было дико вкусно!

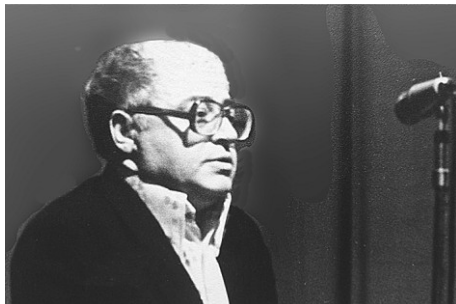
А однажды он приготовил котлеты из китового мяса. Нам не сказал, из чего они. Мы съели эти котлеты со странным вкусом, после чего он признался. С тех пор ЕБ очень подозрительно относилась к его кулинарным экспериментам.

У Гарри Михайловича было прозвище «Кулибин» – он вечно что-то изобретал. Тогда же ничего не было из того, что сейчас есть в каждой больнице. Например, сделал камеру для открытого ведения обширных ран конечностей. Система состояла из пластикового мешка, системы трубок и кондиционера. Как ехидно говорила ЕБ, «связал палочку с веревочкой». А когда бригада наших докторов работала на землетрясении в Спитаке, он при вытяжении конечностей (металлоостеосинтез

тогда был в зачаточном состоянии) в качестве груза использовал трехлитровые банки с консервами, которые приносили родственники.

Евгений Иосифович Финкельсон

Верный мамин
помощник, ее
заместитель по лечебной
работе. Он отлично
руководил не только
лечебной работой, но не
упускал из вида и
хозяйственные дела. Если рабочие тушили сигареты и
начинали шустро работать, значит, на горизонте
появился Финя.

Из забавного.

Стоим перед конференц-залом и разговариваем. Подходит Генина и спрашивает: «Финю не СЛЫШАЛИ?» И в этот момент в конце коридора раздается громогласный голос, густо приправленный матом. Елена Борисовна спокойно говорит: «Финя пришел».

Когда Финя трагически погиб, мы все были в шоке. Он столько делал для больницы, что заменить его было очень трудно. Эстафету подхватил Ильич.

Владимир Ильич Петлах

Он успешно справлялся и лечебной, организационной и научной работой. Но когда больницу преобразовали в институт, Ильичу достойного места не нашлось, и он ушел. Мы устроили проводы. Грустный праздник. Только Ильич улыбался.

Петлах. И еще с Наиной Ельциной и мамой

Очень хочется еще раз отметить и поблагодарить, что Ильич написал замечательную статью к маминому 90-летию в журнал "Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии", где является Научным редактором.

Олег Дмитриевич Граников

И еще одна знаковая фигура нашей больницы, знаковая и горячо любимая всеми. Классный хирург с умелыми руками, думающий клиницист. Незабываемый для всех, кто хоть однажды с ним пересекался. Об Олеге Граникове нужно писать отдельную книгу. Я слышала, как отец моего ребенка сказал: «Я бы с ним с удовольствием выпил и

поговорил». А речь у Олежека была искрометная, густо насыщенная неповторимой матерной вязью. Невероятный полет мысли, как у Жванецкого, да еще в матерном варианте. Его обожали все: дети, мамы, папы, ну, и мы души не чаяли! Человек-праздник! Человек – легенда! О нем нужно отдельную книгу писать.

Когда мой маленький сын Миша со сложным переломом попал к нам в больницу, Олег провел репозицию без хирургического вмешательства. После этого мы стали произносить его имя с придыханием.

Однажды Мамайчик с маленьким Мишей шли мимо нашей больницы, и она его спросила:

- А ты знаешь, что это за больница?
- Знаю, Мамайчик. Ты здесь работаешь.
- А кто же здесь самый главный доктор знаешь?
- Да! Олег Дмитриевич!

1стр. Первые работы по лапароскопии в детской хирургии.

2стр. – слева - классика жанра – Митрич на утренней конференции. Справа – Граников с Людочкой Евдокимовой (многолетней старшей сестрой оперблока).

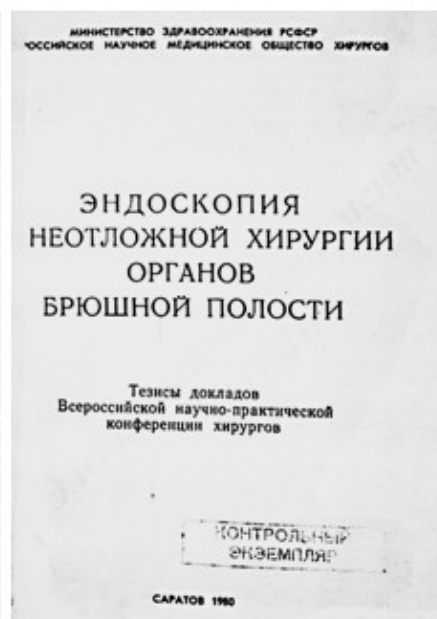
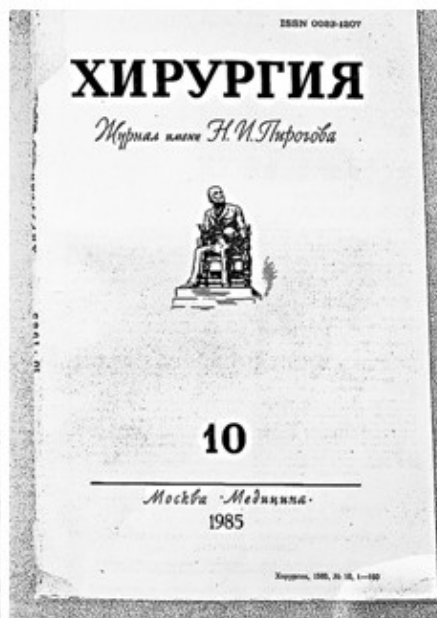
Внизу Митя и Олег Граниковы и Танечка Иванова (многолетняя заведующая реанимацией) А также Леша Куликов и Граников.

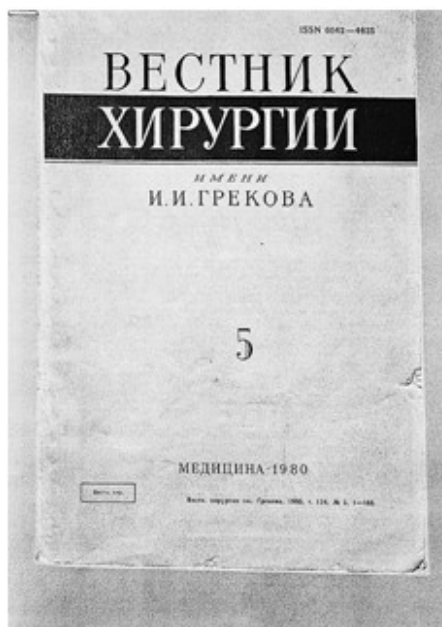
3стр. верхние фото – характерные для Олега. Нижние Митя и Олег Граниковы и Олег с внучкой.

4 стр. Сверху Олег и Алишер Максумов (Алишерка).

Ниже Олег с моей Мамой и Олег на строительстве своей дачи.

Внизу. Олег Дмитриевич Граников старший и Олег Дмитриевич Граников младший

Доктор мед. наук Е. Н. Филкальсон, О. Д. Граников, В. Н. Петая
ЛАПАРОСКОПИЯ ПРИ КИШЕЧНОЙ НЕПРОХОДИМОСТИ У ДЕТЕЙ
 Детский геронтологический № 30 им. К. А. Тимирязева, Москва

Острая кишечная непроходимость у детей остается актуальной проблемой детской хирургии детского возраста. Наиболее частые заболевания вызываются некрозом кишечника по типу деструктивных форм алиментария (В. В. Ив). Деструктивные формы алиментария в 15 раз чаще осложняются кишечной непроходимостью, нежели острые [1]. Клиника при этом характерна у детей бывает нередко сложна для диагностики заболевания. Правильное определение могут быть связаны со сложностью заболевания, инфильтратами брюшной полости, опухолями, кистами и т. д.

Диагностика острой кишечной непроходимости основывается на данных анамнеза, лабораторных и рентгенологических обследованиях. Последнее заключается в контрастировании желудочно-кишечного тракта барием. Однако при этом проводится контрастирование кишечника по типу контрастной клизмы острой кишечной непроходимости. Нередко на фоне брадикардии термина отмечается некроз, только кажущийся улучшением самочувствия, что может ввести врача в заблуждение. Прогноз дилатационного заболевания непроходимо затянута, в связи с ожиданием результатов рентгеноконтрастного обследования. Продолжение бариевой клизмы по парентеральному введению резко замедлено, но не что врач дана при частотной кишечной непроходимости, часто не получает истинного представления о характере патологии.

Детальность при острой кишечной непроходимости резко пропорциональна срокам заболевания: до 12 ч — 1,5%, от 12 до 24 ч — 6,9%, от 24 до 48 ч — 41%, после 48 ч — 84%. Необходимость получения достоверной информации в короткий срок заболевания, выбор наиболее рационального метода контраста при отказ от него приводит нас к применению лапароскопии при этом заболевании. Применение лапароскопии при острой кишечной непроходимости в литературе описано нами неоднократно [2, 3, 4, 5].

Металка лапароскопии при острой кишечной непроходимости имеет ряд особенностей. Лапароскопия проводится под инфузионным наркозом, а также пневмоперитонеум проводится возможно дальше от старых воспалительных рубцов, большой трокар вводится только после тщательного рентгенологического обследования при ложном пневмоперитонеуме в двух проекциях. Применение лапароскопии, как во многих случаях не позволяет контрастировать кишечный барием.

Лапароскопия должна дать ответы на следующие вопросы: имеется ли острая кишечная непроходимость и давность болезни, вид кишечной непроходимости, степень, видовой морфологический изменений в брюшной полости, дальнейшая лечебная тактика.

Наш лапароскопическое исследование у 30 детей (мальчиков — 22, девочек — 8) с непроходимостью на острой кишечной непроходимости. Детей от 12 до 15 лет было 12, от 9 до 12 лет — 10, от 6 до 9 лет — 6 и от 3 до 6 лет — 2. У 14 детей были отмечены явления острой кишечной непроходимости, у 4 — второй кишечной и у 2 — второй кишечной кишечной непроходимости. У 9 детей лапароскопия позволила снять диагноз острой кишечной непроходимости, у 2 — выявить деструктивный алиментаризм у 1 ребенка — обнаружить заворот дилатации Меккеля, который составил картину

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ И ЛЕЧЕБНАЯ ЛАПАРОСКОПИЯ В НЕОТЛОЖНОЙ ХИРУРГИИ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА.

Е. Н. ФИЛКАЛЬСОН, О. Д. ГРАНИКОВ, В. Н. ПЕТАЯ,
 О. Н. БЛИННИКОВ (Москва).

Трудности диагностики острых хирургических заболеваний органов брюшной полости у детей общеизвестны, в связи с чем с 1977 г. нами у 528 детей произведена лапароскопия. Задача, стоящая перед хирургом, сводилась к следующему: 1) определение расположения червеобразного отростка; 2) выявление характера морфологических изменений в нем; 3) уточнение степени вовлечения в воспалительный процесс отделов кишечника. Наибольшее трудности представляли при решении вопроса о вторичности изменений в отростке, при этом наличие косвенных признаков заболевания имело решающее значение. Во время обследования в 124 случаях выявлен мезадентит, в 187 — различные мезаригирующие заболевания, которые проявлялись в ближайшие сутки после лапароскопии или во время нее.

Диагностические трудности при травме органов живота, обусловленные анатомо-физиологическими особенностями и наличием шока, заставили нас провести лапароскопию 63 детям. Из них у 28 выявлены различные повреждения органов брюшной полости. Благодаря лапароскопии у 35 детей избежали ненужной лапаротомии.

Дифференциальная диагностика между острым аппендицитом и заболеваниями внутренних половых органов у девочек трудна и в 80% ошибочна. С помощью лапароскопии у 35 детей нам удалось выявить причину заболевания и решить вопрос о дальнейшей консервативной или хирургической тактике.

При первичном перитоните лапароскопия проводилась 26 детям. С токсической формой заболевания было 12 случаев, с локализованной — 14. Лапароскопия применялась как с диагностической, так и лечебной целью: под контролем лапароскопии вводились микроиригаторы, через которые осуществлялось орошение брюшной полости антибиотиками.

При подтверждении на лапароскопическом инфилтрате лапароскопия применялась у 19 детей. Мы убеждены, что с ее помощью удастся решить вопрос о тактике лечения, т. е. клиническое течение аппендикулярного инфилтратата часто не со-

"Вестник хирургии" 1980, № 2, с. 64-68.
 Вопросы гинекологической, М. Медицинская, 1978-1979, 14. Grigorievskii V. B. и др. Проблемы гинекологии, М. Медицина, 1978-1979, 15. Kalm W. Genetic factors in abdominal drug reaction. Intern. J. Clin. Pharm. Therap., 1980, 1, 28.
 Печать 20 апреля 1980 г.

УДК 616.06-072.1-062.2-062.8-089
ЛАПАРОСКОПИЯ В НЕОТЛОЖНОЙ ХИРУРГИИ У ДЕТЕЙ
 Доктор мед. наук Е. Н. Филкальсон, О. Д. Граников, В. Н. Петая

Детский геронтологический № 30 им. К. А. Тимирязева, с. Москва

Резюме. Обобщены опыт применения лапароскопии в неотложной хирургии детского возраста. Описаны лапароскопические операции при остром аппендиците, спленомегалии, кишечной непроходимости, травме органов брюшной полости, мезаригирующих инфилтрататах, заболеваниях внутренних половых органов у девочек. Приведены методика проведения лапароскопии, ее показания, противопоказания, осложнения.

Трудности распознавания острых хирургических заболеваний брюшной полости, обусловленные анатомическим отсутствием особенностей в области субдиафрагмальных зон в условиях неотложной хирургии, являются причиной для проведения диагностической лапароскопии. Выводы к ней относятся при плановых, в экстренных и при вторичных хирургических вмешательствах у взрослых больных. С 1977 г. мы стали применять лапароскопию при ряде острых хирургических заболеваний у детей.

Лапароскопия при острой алиментарной непроходимости. Обширен в диагностическом отношении лапароскопический опыт при остром алиментарном непроходимости и в оперативных вмешательствах детского возраста. Анализированные детально при алиментарной, Н. П. Гуденко (1978) указывает, что в 19% была достигнута достоверная информация о характере патологии, состоянии кишечника.

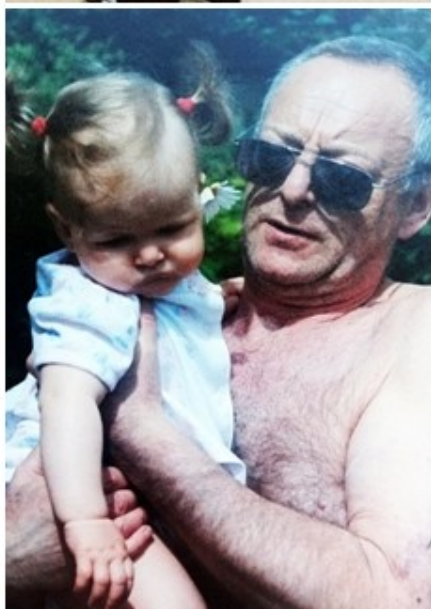
Задача, которая предстоит решить при лапароскопии, сводится к определению расположения отростка и выяснению характера воспалительного процесса, а также степени вовлечения в воспалительный процесс других отделов брюшной полости.

Заключительная диагностика деструктивных форм алиментария, как правило, не связана с наличием червеобразного отростка не оставляет сомнения: по цвету, гиперемии, с наличием фибрина, перитонеальных экссудатов и жидкой субстанции в других отделах. Трудности возникают в тех случаях, когда не удается непосредственно увидеть червеобразный отросток и приходится основываться на косвенных признаках заболевания (сильная гиперемия парантеральной брюшины и расположенных в проекции отростка органов, утолщение выделительных путей прилегающей толстой кишки, изменение в проекции правого большого сальника). Выводы же для диагностики заболевания имеют неопосредованное значение: наличие и органов, вовлеченных в воспалительный процесс (носа дает ощущение их ригидности и отечности), а также определение характера вытока в брюшную полость. Наиболее сложна заключительная диагностика при развитии вторичной непроходимости, вторичного перитонита, адвентит, инвазивного заболевания и др. Существование перитонита при этом указывает на состояние экстремальной картины с развитием кишечной непроходимости.

Из 528 больных, которых произвели лапароскопии при подтверждении на истинной непроходимости, у 134 выявлены мезадентит, у 187 — различные мезаригирующие заболевания (дилатация кишечника, иригатор, дилатация кишечника, патология кишечной системы, патологический заворот кишечника, мезадентит, мезаригирующий инфилтратат), у 211 обнаружены деструктивные формы алиментария, при этом у 27% больных диагностические трудности были связаны с особенностями расположения отростка.

У детей с подозрением на острую кишечную непроходимость нами произведено 40 лапароскопических исследований, в результате чего был получен ответ на следующие вопросы: 1. Имеется ли острая кишечная непроходимость. 2. Вид непроходимости. 3. Степень морфологических изменений в брюшной полости. 4. Характер дальнейшей лечебной тактики. При ранней спастической непроходимости, когда нередко продолжается перитонит и дифференциальная диагностика трудна, нами произведено исследование у 4 детей. В 2 случаях с помощью манипулятора были разведены нежные спайки и припаянные пряди салыника. Тем самым явления кишечной непроходимости купированы без операции. При ранней вторичной непроходимости лапароскопия проводилась при неэффективности консервативных мероприятий у 2 детей. В 8 случаях поздней спаечной кишечной непроходимости удалось пересечь или пережечь спайки или тяжи, избавить больного от лапаротомии. У 2 детей с подозрением на инвагинацию кишечника диагноз был подтвержден во время лапароскопии и под контролем лапароскопа произведено расправление инвагината.

Как-то Олежек мне сказал: «Вот когда я умру, вы все будете плакать, а я буду над вами летать и хихикать».

Когда мы с ним прощались, я смотрела вверх и представляла, как он летает и хихикает.

Алла Михайловна Хавина

Алла Михайловна была одной создательниц нашего травмпункта и заведовала им долгие годы. Я точно не знаю, сколько именно, но помню ее с детства. А когда я сама пришла в больницу, мы еще долго работали бок о бок. Мы тогда жили в одном доме и вечером шли на Большую Полянку с собаками встречать: я – маму, а муж Аллы Михайловны – свою жену.

Людмила Дмитриевна Пискарева

Людмила Дмитриевна сменила на посту Аллу Михайловну и, как и она, долгие годы была зав. травмпунктом, сохраняя преемственность и традиции больницы.

Леонид Борисович Пужицкий

Пужик... всеобщий любимец... Долгие годы он заведовал травматологическим отделением и воспитал замечательный коллектив молодых врачей.

Из забавного.

Когда Ёнечка (как он себя называл) запутался в семейных отношениях и ему негде было жить, я дала ему ключ от своего кабинета, где был диванчик. Он туда переселился с маленьким чемоданчиком и картиной и жил там, пока все не утряслось. Нужно сказать, что в те времена в больнице на ночь оставалась дежурная бригада из трех хирургов. В приемном работало «быдло» – хирург разгребавший ночной завал (травмпункт по ночам не работал). Второй хирург именовался «дурак» - он делал то, что ему говорил главный хирург. А главный назывался «врачом». Спрашиваешь: «Ты кем сегодня работаешь?» Ответ: «Дураком».

Не было, как сейчас, ни нейрохирурга, ни травматолога в дежурной бригаде – все были на все руки. Если случалось ночью прийти в больницу, ты видел, как вся троица дружно разгребает «каловый завал» в приемнике.

Так вот, когда Пужик поселился в моем кабинете, дежурные бригады очень обрадовались его бездомности, потому что всю травму он брал на себя.

А руки у него были золотые. Его ласково называли «бомжик» и дружно подкармливали.

С легкой руки Пужика, когда звонил городской телефон (а других тогда и не было), взявший трубку говорил: «Больничка слушает...»

Верхний ряд: Николай Григорьевич Дамье и Александра Ильинична Лукина (зав. хирургическим отделением).

Чуть ниже Сергей Иосифович Гинзбург (зав. травматологическим отделением во времена Дамье.)

Сергей Иосифович и мама на празднике. Замечательное фото мамы с Вахтангом Панкратьевичем Немсадзе. Вахтанг на заре своей деятельности работал 20 детской больницы. Потом он ушел в Филатовскую больницу и преподавал на кафедре детской хирургии 2 мед. института. Это человек – легенда! Скольким детским хирургам он дал путевку в жизнь. Его обожали все! Боюсь, что молодое поколение о нем мало знает. На стене в травматологии ребята повесили портреты исторически значимых для них людей: Дамье, Немсадзе и Пужицкий. Мне это очень нравится. Ниже дивные фото – Лёначка Пужицкий с Олегом Граниковым. А также Лёначка с Митей Граниковым. А также фото Юры Заикина на коммунистическом субботнике. Он заведовал травматологическим отделением после Гинзбурга.

Таисия Алексеевна Чернышова

Для своих «Тасёк». Долгие годы она возглавляла отделение интенсивной терапии. Фантастический доктор и потрясающий человек. Думаю, что много детей обязаны ей своей жизнью.

Когда к нам поступал ребенок в крайне тяжелом состоянии, мама говорила «Тасечка! Пожалуйста, посиди рядом с ним, я найду возможность тебе это оплатить» (мама очень трепетно относилась к сотрудникам и все время изыскивала возможности материально их поощрить.) Но я уверена: даже если бы эта работа не оплачивалась, Тася все равно выкладывалась бы по полной.

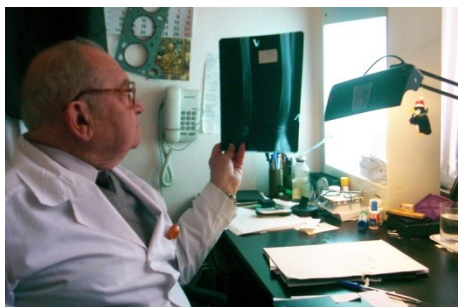
Помню, прихожу однажды в реанимацию смотреть ребенка с поездной травмой. Ребенок весь перемазан мазутом, ноги просто грязные с черными нестриженными ногтями. Рядом с ним сидит Тася, аккуратненько смывает грязь, оттирает мазут и стрижет ему ногти...

Все медсестры и врачи всегда на нее равнялись. И сейчас, когда я прихожу в реанимацию, я всегда обращаю внимание на внешний вид детей. Все на отлично!

Всеволод Николаевич Алябьев

Севочка проработал в нашей больнице рентгенологом и заведующим отделением всю жизнь.

На фотографиях из буклета он совсем юный, а ушел с работы лет в 80. Классный диагност!

Из забавного.

Помню, мы в больнице что-то бурно и весело праздновали. Всеволод Николаевич пришел домой и, утомленный, уснул. Проснулся через несколько часов и подумал, что проспал работу. Позвонил маме и просил прощения, что опаздывает. На что она сказала: «Севочка! Сейчас ночь! Спи дальше. Увидимся на утренней конференции».

У нас в храме отпевания не проводятся – не принято. Единственным, кого отпевали, был Всеволод Николаевич. Проститься пришли все сотрудники.

Галина Алексеевна Писаренко

Долгие годы она была заведующей нашей аптекой. С лекарствами тогда было туговато, но если перед ней ставили задачу найти дефицитное лекарство для тяжело больного ребенка, она его находила. И смену воспитала достойную – Марину Александровну Демьяненко.

Галина Алексеевна Писаренко и Марина Демьяненко.

Регина Леонидовна Кашанова

Во времена 20-й детской больницы служба ЛФК была в руках Регины Леонидовны и Тамары Синодовой. Они вдвоем успевали позаниматься физкультурой со всеми назначенными больными, да еще и массаж сделать, да еще помочь хворым сотрудникам. И все это безотказно, спокойно и доброжелательно. А руки у Регины волшебные. Если успеть к ней прибежать,

когда понимаешь, что схватила вирус и сейчас заболеешь – баночный массаж и ты здоров! Честное слово! Проверено не раз!

Валерий Михайлович Шепилевский

Валерий Михайлович пришел к нам работать невропатологом, будучи совсем молодым и остался всю жизнь. Он был один на всю больницу и все успевал. И по ночам приезжал, когда была нужна его помощь.

В те времена не было ни КТ, ни МРТ - их заменяло высококлассное клиническое мышление, которое сейчас с годами слабеет.

Он был уникальным клиницистом. Осматривая ребенка, рассказывал матери о нем все – как проходила беременность, как рождался, какие у него сейчас проблемы. По-детски радовался, когда ставил диагноз в сложном случае: «Мамаша! У вашего ребенка опухоль мозга!»

Дочка моей подруги лежала у нас с подозрением на сотрясение головного мозга. Она запомнила на всю жизнь, как утром он входил в палату и говорил: «Доброе утро, мадмуазели», чем их всех покорила. Валерию Михайловичу работа была необходима, как воздух. Когда он был вынужден уйти, смысл жизни был потерян. Он потух. И недолго прожил.

Александр Владимирович Брянцев

Пришел к нам молоденьким ординатором. Его организаторские и профессиональные качества были оценены по достоинству. Достаточно быстро он стал заведующим отделением гнойной хирургии. Когда мама уходила на пенсию, она рекомендовала его на должность главного врача. А теперь он стал директором института. Достойный путь доктора! А сейчас его дети проходят тот же путь.

Ольга Витальевна Карасева

Красивая, молодая, умная и рукастая девочка. Как это было давно! Как по ступенечкам, целенаправленно и последовательно, она прошла путь до заместителя директора института.

Надо сказать, что мы с Ольгой первоначально числились научными сотрудниками НИИ педиатрии, а работали на клинической базе 20-й детской больницы. Поэтому материальные блага, которые имели доктора больницы, нам не полагались. Было трудно и обидно. Но потом что-то и нам начали приплачивать.

Когда Ольга пришла в больницу, у нее была маленькая дочка. Жили они в Зеленограде, а рабочий

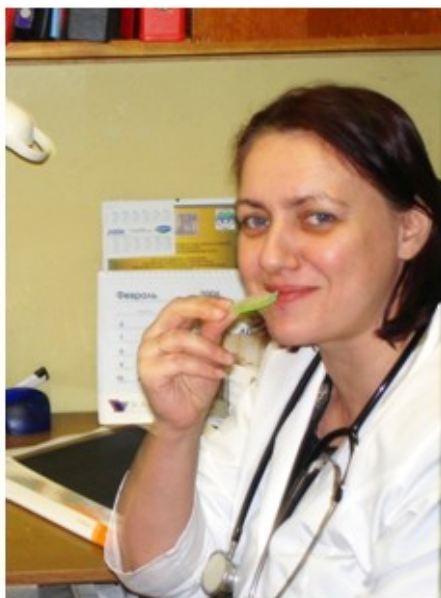
день начинался в 8.30. Поэтому утром, по пути на работу, она оставляла дочку сторожу детского сада.

Ей было очень трудно. Да и сейчас нелегко. Но по-другому. Сейчас, помимо научной работы, она курирует всех тяжелых и сложных больных. И для нее воскресные дни и праздники не существуют – больные важнее. Профессия для нее – жизнь. И её дочка тоже стала врачом. И очень хорошим. ДНК пальцем не разотрёшь!

Мы все жили одной дружной семьей и шли на работу, как на праздник. Мы работали столько, сколько нужно, не считаясь с личным временем. Я все время вспоминаю «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Так вот, у нас понедельник начинался в субботу...

1 стр. Ольга Карасева с дочкой Аней и внуком.

2 стр. С Ленечкой Пужицким, с Малхазом Шевелидзе и Оганезом Саруханяном, а также на празднике и в операционной, и с всеобщим любимцем проф. Степановым.

Из забавного

Когда В.В. Путин вручал орден Мамайчику, мы сговорились устроить ей сюрприз. Пока она была в Кремле, у нее дома накрыли праздничный стол. Украсили комнату воздушными шариками и цветами. Выключили свет, затаились и ждем...

Церемония закончилась. Она едет домой и всем нам по очереди звонит по телефону и предлагает как-то

отметить это событие. И все под благовидными предложениями отказываются. Мама приезжает домой, открывает дверь, включает свет, а тут толпа народу! Было очень здорово!

Из забавного.

Какими раньше были общественные туалеты, рассказывать не буду, лучше и не вспоминать.

И вот мы попросили Дмитрия Ивановича Мельничука

– инженера больницы - отремонтировать один из больничных туалетов на первом этаже. Когда мы увидели туалет после ремонта, он потряс нас дизайном и красотой. Сейчас-то все туалеты замечательные, а мы таких никогда и не видели. Тогда это было событие! По этому поводу мы организовали праздник – торжественное открытие туалета. С фуршетом! На открытие было приглашено много гостей (приглашения были красочно оформлены). Было очень весело. Право окропить отремонтированное заведение освежителем воздуха предоставили главному врачу. Все запротоколировано в фотографиях – смотрите!

Мама упоминала в своих воспоминаниях о психологической службе, подчеркну, что наша больница была в авангарде организации психологической помощи детям с тяжелыми травмами.

К нам пришли на работу три замечательных психолога с университетским образованием – **Вениамин Гудимов, Николай Подхвятилин и Сергей Арбузов.** Как ребята работали! Профессионализм высшей марки! Однажды к нам поступила моя знакомая девочка, которая разбилась на скутере.

Перелом позвоночника наши нейрохирурги удачно прооперировали. Когда я пришла проводить девочку и

ее маму, они сказали, что все замечательно, только вот они обе уже неделю не

могут спать. Я попросила Колю с ними поработать. На следующий день они с горящими глазами наперебой рассказывали мне, как после сеанса их просто «вырубил» и они наконец-то отоспались.

Кроме того, Мамайчик попросила ребят позаниматься с сотрудниками, и они организовали для нас курсы, что-то вроде психологического ликбеза. Я получила столько новых знаний! Это было безумно интересно и полезно – благодаря этим курсам я смогла разобраться со своими детскими комплексами.

*Слева Коля Подхватилин и Венечка Гудимов,
Справа - Сергей Арбузов.*

Мама уже рассказывала, с какими сложностями она столкнулась, когда решила открыть нейрохирургическое отделение. Я хочу добавить, что отделение открывал Ханат Мухамеджанович Мухамеджанов. Но по семенным причинам заведующим не стал. А стал заведующим очень колоритный и харизматичный Юрий Гургенович Басентян (Гургеныч или Басик). С появлением нейрохирургов жить стало легче. Круглосуточного нейрохирурга тогда еще на дежурстве не было, но на сложный случай уже можно было вызвать своего доктора.

Из забавного.

Олег Граников шутил: «Была маленькая еврейская больничка, и во что мы превратились!»

Когда маму наградили орденом «Дружба народов», мне показалось это странным, ей больше бы подошел «За заслуги перед отечеством». А потом подумала - правильно! Ведь ей удалось собрать такой уникальный многонациональный коллектив единомышленников.

Из забавного.

После работы в нашу больничную машину садились: заведующая лабораторией Эмма Абрамовна Кафадарова (которая плохо передвигалась из-за больных коленей), Гургеныч (которому трудно было ходить из-за избытка веса, особенно когда темно и скользко) и Мамайчик (с эндопротезом

тазобедренного сустава). И наш водитель Юра громко спрашивал: «Ну? Все лица кавказской национальности загрузились?»

Возвращаясь к нейрохирургической службе. После смерти Гургеныча эстафетная палочка перешла к **Олиму Садыковичу Исхакову**, и Олим достойно несет этот груз многие годы.

Когда Гургеныч умирал, он попросил нас, чтобы мы его навещали, чтобы поминки были светлыми и веселыми. Похоронили его в Калуге. И мы каждый год по осени маленьким, но очень дружным коллективом загружались в электричку и отправлялись в Калугу. Причем, если в этот день обещали плохую погоду, прогноз не сбывался. Гургеныч с небес посылал нам великолепную погоду.

«Поляна» накрывалась сразу же, непосредственно в электричке, и ехали мы со скоростью пол литра водки в час с шутками – прибаутками. Так что завет Гургеныча мы свято выполняли.

Одна поездка особенно запомнилась.

Мы весело поминали Гургеныча в электричке, а рядом сидела грустная молодая пара. Мы, конечно, позвали их к нам, и тут выяснилось, что ребята едут на свадьбу, а мы на поминки. К концу поездки они уже были похожи на людей, которые едут на свадьбу.

Принимали нас в Калуге, как дорогих гостей, но сутки непрерывного веселья всех слегка утомили. Когда мы сели в московскую электричку, есть и пить уже совсем не хотелось. И тут к нам радостно с бутылкой в руках прибежали наши вчерашние знакомые. Мы сказали, что пить уже сил нет. Они очень расстроились. Мы подумали-подумали и позвали их обратно. Как они обрадовались! Достали стаканчики, разложили еду, и жизнь наладилась!

1 стр. Верхние фото слева уникальное, где все три зав. нейрохирургией.

Слева Гургеныч. В центре Ханат Мухамеджанович и на переднем плане Олим Садыкович.

Ниже Гургеныч с Садыковичем, рядом Валерий Михайлович Шепилевский, Гургеныч и Мамайчик.

Ниже: больного Гургеныча навещали верные друзья. И Валерий Михайлович с Олимом Садыковичем и Мамайчиком.

2 стр. Верхние фото – дружный коллектив нейрохирургии и ниже Шепилевский с пациентами.

Справа Наташа Куракова и Олимчик.

Ниже: Шевчук Александр Максимович и Олечка Симонова. А ещё ниже – поездки - на веселые поминки» к Гургенычу.

История портрета

Мама много лет проработала депутатом. И многие годы ее портрет был на огромном стенде «Лучшие люди района»

на Ленинском проспекте. Напротив входа в Парк Культуры. В перестройку стенд ликвидировали, а портрет отдали, и он жил в мамином кабинете. Когда мама ушла с работы, этот портрет нашла на помойке Наташа Куракова. Помыла его, подретушировала, вставила в рамку и он до сих пор висит в ее кабинете. Что очень

приятно и трогательно.

Юбилей Азама Таировича Пулатова

К нам на этот праздник поздравить юбиляра пришли легенды детской хирургии: Исаков Юрий Фёдорович, Немсадзе Вахтанг Панкратьевич, Студеникин Митрофан Яковлевич, Степанов Эдуард Александрович.

Субботники и спортивные праздники

Раньше никакой помощи в уборке и озеленении территорий не предусматривалось. Всё делали дружно и сами. С дачи привозились растения и все-все-все выходили на работу, как на праздник. А еще были спортивные праздники. К которым тоже готовились и даже шили форму для больничной команды.

Праздник 50-летия работы Мамайчика главным врачом

Дни рождения Мамайчика

Традиционно дни рождения Мамайчика справляются на её любимой даче.

Приезжают с поздравлениями и подаркам все-все-все, кто её любит.

Работа

1 стр. Коллектив больницы эпохи Николая Григорьевича Дамье.

Ниже: слева – Мамайчику 31 год. Она стала главным врачом 20 детской больницы. Справа – вот такие замечательные праздники были.

Ниже - Мама и Лукина Александра Ильинична (в центре не знаю кто, и спросит уже не у кого).

2 стр. Девочка – главный врач.

Ниже слева Гургеньч.

Справа – Граников с с Максимычем и его Иришей.

Ниже – работа в операционной.

Ниже: Тася Чернышова, Маловичко

(Маргоша), Юра Заикин, Володя Дмитриенко.

Стоит мама Оли Симоновой (наш педагог), правее - сотрудники больницы(конец 90х).

3 стр. Коллектив 20 детской больницы (середина 80 годов).

Мама открывают доску памяти Дамье.

Справа – утренняя конференция: Никишов Сергей и Пулатов Азам Таирович. Ниже мама с нашей охраной на вертолетной площадке.

Ниже: слева – работа в операционной.Ниже справа Саша Афонасьев (Нафаня), Алишерка и Капусти Виталик.

4 стр. Слева – Денис Ратин. Максумов Алишер, Олег Граников, Леня Пужицкий и Саша Брянцев.

Ниже Олим, Оганез, Мамайчик, Володя Багаев, Пужик и Оля Карасева

Справа день рождения старейшего доктора нашей больницы. Фамилия Аптекарева. Имя узнать уже не у кого. По моему ей было лет 100. Стоят Генина Елена Борисовна и Мама. Ниже - на обществе детских хирургов Лукина Александра Ильинична и мама.

Ниже на празднике с девочками из оперблока и Владимиром Ильичом. Правее – в гостях у Мамайчика я и Генина. Нижние фото- девочки из оперблока.

5 стр. верхние фотографии. Мемориальная галерея в коридоре отделения реанимации.

Ниже: Лужков приезжал. Справа – Алябьев Всеволод Николаевич.

Слева – с больным Олим и Медынский Паша. Справа Ленечка с Иришой Ушаткиной

Ниже слева Ольга Карасева, Пужик и Денис Басаргин. Справа Алишер Максумов и Олег Граников во втором отделении старого корпуса.

6 стр. Слева наши статистические барышни. Справа –дружный коллектив травмпункта.

Ниже справа Андрюша Саратовский.

Слева: Афанасьев, Максумов, Капустин, Пужицкий и Тася у Мамайчика на даче на 70-лети.

Ниже слева - Лариса Иосифовна, наш незаменимый помощник в организации службы лучевой диагностики. Справа: Граников всегда великолепно танцевал.

Ниже: Мамайчик и Гейдрих Элла Павловна, которая строила наш институт.

Справа- фото к 9 мая. Стоят – мама, Кряковская Людмила Ивановна, Генина Елена Борисовна, Кира Евгеньевна, Рошаль Леонид Михайлович, Хавина Алла Михайловна, Молева Ляля, Пулатов Азам Таирович. Сидят: Лукина Александра Ильинична, Татьяна Павловна, Лидия Михайловна.

7 стр. Я и мама. Я вместе с мамой. Ниже - я в кабинете УЗД. Слева Мама с Ленечкой и Сашей Афонасьевым.

Ниже слева – на утренней конференции. Справа мама с Граниковым

8 стр. Мама с Леонтьевым Алексеем Фавстовичем и просто красивая мама.

Ниже – Мамайчик в конференц зале.

Ниже – слева с Гениной на обществе детских хирургов и справа замечательная фотография. Стоят: Размик Арамович Кешишян. Мама. Наталья Юрьевна и Наталья Александровна.

Сидят Лидия Михайловна, Писаренко Галина Алексеевна. Кира Евгеньевна. Хавина Алла Михайловна.

9 стр. Слева –девочки танцуют. Справа – статья о маме.

Ниже- уникальный кадр перед установкой креста на наш храм.

Мамина награда от института.

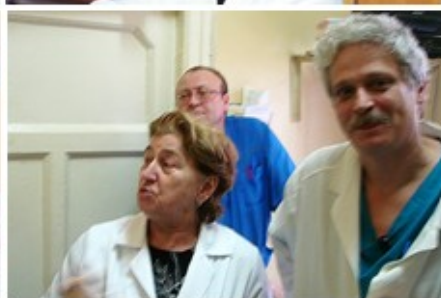

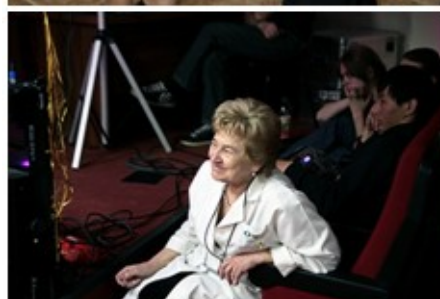

Захаровы

Мама упомянула в своих воспоминаниях, что у ее мамы было два родных брата. Про дядю Борю она написала, что фактически это был ее второй отец

А еще был дядя Коля и его жена тетя Шура.

Они были актерами. А дядя Коля еще и театральным режиссером. Жили они не в Москве, но часто приезжали к нам в гости. Дядя Коля еще играл на скрипке. Такая театрализованная забавная семья.

Из забавного.

Мне запомнилась, как тетя Шура театрально поставленным голосом, обращаясь к мужу, вздымая руки, восклицала – Коленька! Послушай голос разума! (Т.е. ее). Я часто использую эту фразу по назначению.

1 стр. Борис Яковлевич Захаров (брат бабушки, заменившей маме отца).

Анастасия Яковлевна Захарова (моя бабушка).

Николай Яковлевич Захаров (в спектакле) и его афиша.

Ниже – мама с дядей Борей и маленькая я с бабушкой Асей.

Ниже Захаровы на даче – Коля, я, бабушка, тетя Шура (жена дяди Коли), мама и дядя Боря.

Любимая дача

Дача нам досталась в наследство от дяди Бори, брата маминой мамы, который по жизни заменил ей отца. О нем мама говорит в своих воспоминаниях.

Участок был получен в середине 50-х. Дядя Боря построил на нем избушку из досочек от деревянных ящиков, которые он бережно собирал у магазинов. Были еще кухня-мазанка с двумя керосинками, колодец и забор из тех же досочек, которому пришел конец, когда моя собака Даночка встала на него лапками. Кухоньку со временем построили попримичнее, оборудовав газовым баллоном. Подпол, правда, не удался. Каждую весну там доверху стояла вода, и мы с дядей Борей ведрами терпеливо вычерпывали ее вместе с плавающими яблоками и банками консервов.

Когда маме исполнилось 70 лет, мы каким-то невероятным образом уговорили ее построить новый дом, хотя она упорно говорила, что и этот ее вполне устраивает. Особенно радовала трава и плети дикого винограда, дружно пробивавшиеся сквозь щели в полу.

Нужно сказать, что мы произвели забор воздуха из старого дома и запечатали его в баночку, чтобы потом торжественно выпустить в новом доме.

Но сначала был построен хозблок с большой открытой террасой, увитой диким виноградом, и большим обеденным столом – для приема гостей.

Друзья-соседи нам тоже достались по наследству от дяди Бори, а теперь еще и дети и внуки соседей, и новые соседи, ставшие друзьями. Как вы, наверное, уже догадались, центром всеобщего братства и дружбы стал наш Мамайчик, чьи организаторские способности и тут проявились в полной мере!

Традиционные встречи продолжаются и сейчас, весело – с песнями и шутками!

Фотоотчет прилагается! Вера Петровна с Львовичем, Вера Ивановна, Стасик, Наташа с Мишей и Леночкой, Марина с Володей...

А поскольку гости всегда приходят с плодами своей сельскохозяйственной деятельности, фрукты и овощи у нас никогда не переводятся.

Из забавного.

Как-то раз прохожу мимо участка Стасика и вижу – у него на компостной куче лежит гора огурцов-переростков. А я обожаю такие огурцы, они сладкие, с крупными вкусными семечками. Сбегала за тачкой и вывезла выкинутые вкусняхи. Потом два месяца ела их и на работе, и дома, а Стасику прилюдно сделала выговор. Не нужно унижать соседей копанием в компостной куче. Просто привези и сгрузи около

нашей калитки. Теперь у меня переростков завались – все соседи подключились к гуманитарной акции.

К Мамайчику часто обращались люди из поселка, и на этот случай у нее была корзиночка неотложной помощи: тонометр, фонендоскоп, перевязочные материалы, лекарства и шприцы. Когда поступал вызов, мама отправлялась к больному и возвращалась с дарами природы. Настоящий сельский доктор!

И еще штрихи к портрету Мамайчика.

После перелома шейки бедра она приехала на свою любимую дачу на костылях. Расхаживалась тяжело, нога сильно болела, с возрастом болевой порог понизился, не то, что раньше. Как-то вечером, когда она зимой возвращалась домой, у нее сломался каблук и она упала (она не изменила своей привычке зимой и летом ходить на очень высоких каблуках). Как выяснилось впоследствии, у нее был перелом не шейки бедра, а таза («жопного», как мы помним). Доктора сказали, что это месяцев на шесть. Через три месяца, несмотря на вопли травматолога, она вышла на работу. Без костылей и на шпильках. Правда после обхода закрылась в кабинете и рухнула на кушетку.

Так вот, мама с большим трудом передвигалась по участку до тех пор, пока соседям не подкинули двух месячных щенков. Эти добрые люди принесли их маме, и она приняла их как родных. А через

несколько дней ей подкинули еще четверых, потом еще двух. Процесс реабилитации пошел быстро, костыли были забыты. Кормление, уборка, воспитание – тут не до своих проблем. Теперь уже у меня появились проблемы по жизнеустройству, но Бог послал нам ангела в лице очаровательной Лены Исаковской, которая помогла нам найти семьи для мохнатых детей!

Потом был щен Барни, который жил на даче под маминым присмотром до устройства в семью. Потом пес Тиша, который, заскучав, просачивался между прутьев калитки (был такой худой - дрищ) и убегал на «бетонку». Мама бегала за ним между фурами, а водители из окон ей кричали «У! Дура!» Но и ему наш добрый ангел нашел маму Иру. Мы ездили навещать Тишу, он радовался и пищал, но опасался, что мы его заберем. Ему очень понравилось в новом доме, где у него появился дружбан-кот, а теперь уже два дружбана-кота.

Ну, а потом по мелочевке – кошка с двумя котятами (ангел Лена и тут взмахнула белыми крылами).

Сейчас (слава Богу) только белочка с бельчатами харчеваться приходит – прыгает по мамайчиковым плечам.

Середина 50х. Домик и кухня – мазанка с двумя керосинками.

*Мама на сельхоз работах и мужики на отдыхе
(мой папа, дядя Боря и сосед).*

Дядя Боря около своей любимой Победы. И сейчас машинка жива - стоит в подземном гараже.

2 стр. Я на каторжных работах. И строительство новой дачи. Со строителями Мишей и Федор Ивановичом.

3 стр. Мельничук Дмитрий Иванович. Без него ничего у нас с дачей бы не вышло.

Внизу – памятные таблички – первая с двери квартиры Дяди Бори. Вторая с двери кабинета Мама (повешена над ее кроватью, чтобы не было разночтений).

3 стр. День рождения мамы с открытием нового дома.

Ниже – задушевная подруга Верунчик с Мамайчиком и традиционные праздники с соседями Игорек, Вера Петровна, мама, Львович и Стасик. Ниже: мама с Верой Петровной и задушевные соседи Миша и Наташа (попугайчики-неразлучники). Ну и мама с подарком от Граникова. Пес, который исполняет песню «никто тебя не любит так, как я».

4 стр. Вся соседская кодла в сборе. Мама – счастлива!

Мама со спасёньшами (воспитывает молодежь)

Черновы-Брызгаловы

Друзья длиною в столетие.

Комнату в коммунальной квартире на ул. Новокузнецкая д. 30 купил дядя Боря. Это было до войны. Мама была еще совсем маленькая.

В соседней комнате жила семья Черновых.

После войны, когда Тамара вышла замуж, 3 семьи (бабушки и дедушки) сменялись и съехались в квартиру на этой же лестничной площадке. У Тамары родился сын Алешка, а у мамы - я. Алешка мой самый первый друг! Я недавно посчитала, что это пятое поколение Черновых-Брызгаловых и нашей семьи, которое продолжает дружить.

Жили практически одной семьей. Делили и радости, и горести.

Алёшка

Мы с Алешкой и гуляли и играли вместе. У Алешки было сразу 2 бабушки и 2 дедушки - баловали его все. Ему покупали котлеты в магазине по 3 копейки. Маленькие и соленые. Жарили их до хрустящей корочки. Это было невероятно вкусно! Иногда и мне перепало!

Я просила бабушку, чтобы она мне такие же сделала. Но у бабушки ничего не получалось. Наверное, потому что она их делала из мяса...

А еще у Алешки был велосипед (у нас не было для него места, а может и денег) и 2 деревянные лошади-качалки. Белая и черная. Я о таких даже и мечтать не могла!

А еще вечером смотрели диафильмы. У Алешки и фильмоскоп был! Я помню восхитительный запах горячей пленки.

Из рассказа мамы. Мы гуляли на улице и я очень захотела п'исать. Алешка сказал - иди писай! Я тебя прикрою. И распахнул пальтишко закрывая меня от посторонних глаз. Вот что значит настоящий друг! Всегда прикроет!

Алешка абсолютно гениальный преподаватель химии. В этом я убедилась сама, когда на первом курсе мне нужно было подтянуть химию. За 3 дня и 3 ночи Алешка впихнул меня всю химию.

Машка - дочка Алёши училась в институте у моего мужа Миши. Мало того, и первый, и второй мужья Машуни тоже учились у Миши. Узнав о втором браке муж Миша сказал, что у них еще много хороших и умных ребят.

Из трогательного.

Зять Глебка рассказал, что Леша все время вспоминал свою первую машину – "Жигули-четвёрка". Рассказывал, какая она замечательная. Как он с ней возился. Глеб нашел где то такую же машину. Такого же цвета.

Ездил за ней. Пригнал и подарил Алешке на день рождения. Вот такая семья!

1 стр. Баба Паня с Дедом Левоу и Тамара Черновы.

Мама с Колей Брызгаловым и на лавочке баба Паня с Валюшечкой (нашей соседкой – мы с ней очень любили друг друга).

Ниже – с семьей уже Брызгаловых. Тамара с моей бабушкой Асей и Тамара с Мамайчиком.

2 стр. А это мы с Алешкой Брызгаловым – моим первым и верным другом.

Ниже – а вот дедушка Алеша со своей дочкой Машей и внучком.

А трепетная история этой машины в тексте.

Школьные друзья

У мамы была очень дружная дворово-школьная компания. После школы на некоторое время пути разошлись – институт, семьи... А потом опять сошлись и они стали дружить еще крепче, уже семьями.

Все праздники отмечали вместе у мамы дома, по-студенчески. Еду готовили вскладчину, договаривались, кто что принесет. Делали друг другу подарки, пели песни. В новогоднюю ночь шли гулять по Москве, а вечером 1 января опять собирались у мамы на «доедалки». Мама написала о них в своих воспоминаниях.

Гриша и Зиночка Орловские, Шурик и Галя Филипповы, Валечка Бубенцова, Володя и Лида Шустеры.

Верхние фото - праздник. Слева Лида Шустер, мама, Шурик и Галя Филипповы. Рядом Володя и Лида Шустер (Шустерята).

Напротив - Валя Бубенцова, мама Шурик и Галя Филипповы (Филипчики) и Зиночка Орловская.

Ниже – на даче у Мамайчика: Зиночка, Петя и Лиза Орловские. Справа – задушевная подружка Валя Бубенцова.

Ниже - Мамайчик руководит праздником и дивная фотография семьи Орловских: Гриша с Зиночкой и их сын Петя.

Ниже Володя и Лида Шустер и Галя Филиппова с Мамайчиком.

Институтские друзья

Мамайчик с Беляевой Анютой на практике. Справа Лебедевы в день свадьбы и Мамайчик с Тамарой Студенецкой. Ниже Тамара в оргкомитете встречи выпускников. Нижняя – Мамайчик с Верой Криппой.

ТИТОВЫ

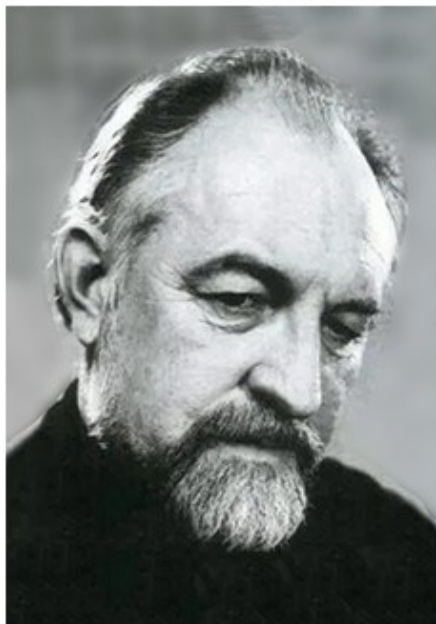
Мама уже рассказывала о семье Титовых, которые взяли шефство над молодой семьей, когда мама с папой учились в Рязани. На военно-медицинском факультете Саратовского меда папа учился вместе с Кассириным. У него была жена Марина. Мама так влюбилась в нее, что назвала меня в ее честь. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь.

1 стр. Счастливые и молодые папа, мама и Миша Титов. Собака Черчилль.

Картина, написанная Толей Титовым. Это дом, где они жили. Маме эта картина очень дорога.

Ниже: Толя (художник) и Миша (врач) Титовы.

2 стр. Мамины портреты того времени кисти Толи Титова.

Кассирова

Я Марину обожала! Меня она называла Мурасик, а Иришку, ее дочку, мы называли Ирасик. Марина Кассирова жила в Калининграде. Вокруг нее, яркой, талантливой и невероятно остроумной, образовался круг потрясающих людей! Общение с ними невозможно забыть. Я была подростком, но помню все, как будто это было вчера! Навсегда в душе....

Мамайчик с Мариной Кассировой в студенческую пору, в путешествии и у меня дома.

Пономари

Любимые друзья студенческой поры Мамайчика – семья Пономаренко (Пономари), Валя и Володя. Валя всю жизнь проработала терапевтом, а, Володя (в институте его звали Вовка драные локти – бедно жили) прошел долгий путь от врача на аэродроме до директора испытательного института авиационно-космической медицины Министерства обороны СССР. Основоположник космической и авиационной психологии. Занимался подготовкой космонавтов, проблемами выживания в экстремальных условиях.

Я слышала от летчиков, что благодаря его разработкам многие из них избежали гибели.

Он – человек – легенда. Найдите его в интернете и прочтите о нем! Пономаренко Владимир Александрович.

Это наша походная компания. По субботам мы выезжали в лес с палатками. Путешествовали по Крыму, сплавлялись на лодке по Пре, по Западной Двине на плоту. Я помню все, как будто это было вчера.

А знаете, какой самый вкусный чай? Когда закипает вода в котелке, туда высыпается пачка чая и размешивается горячей головешкой. Чай с дымком из детства!

Из забавного. Когда мы плыли на лодках по Пре, нас пугали, что могут украсть лодку. Сначала мы подтаскивали лодку к палаткам, а потом стали лениться. И вот однажды ночью послышалась какая-то возня и плеск воды. Из палатки Пономарей раздался крик Вали: «Лодку воруют!» Мама вытащила папу из спального мешка, сунула ему в руку топорик, вытолкнула из палатки и быстро-быстро застегнула вход, чтобы комары не налетели. Оказалось, это бобры резвились!

А когда мы путешествовали по Кара-Дагу, то устроили стоянку на горе с огромными валунами, метра четыре в высоту. По выбоинам и зазубринам мы карабкались

на плато, откуда открывался дивный вид на море. Маму и Валу Пономаренко нам, детям, приходилось подсаживать, подталкивать, чтобы они сумели преодолеть подъем. И вот однажды, когда мама была дежурной по кухне, а все остальные ушли купаться, в наш лагерь пришла большая корова с грозно торчащими рогами. Не обращая внимания на мамины вопли и размахивания полотенцем, корова подошла и медленно и чувством выпила ведро воды, за которой мы ходили по горным тропам на дальний родник. Но было еще ведро свежесваренного борща, с которым мама, спасая его, взлетела на валун! Как у нее это получилось – загадка! Но борщ был спасен!

Верхние Мой папа и Вовка Пономаренко дурачатся в Академии и Наша походная Жизнь

Нижние Слева – я. Володя, Андрей, мой папа и Валя Пономаренко с Костиком. Ну и отдельно Костя пономаренко.

Стр 2

Владимир Александрович Пономаренко – легенда среди летчиков и космонавтов

Ниже Володе и маме по 90 лет

Ковали «приличные родственники»

Когда мои родители познакомились с Ковальями (они какие-то очень дальние наши родственники), Боречка Коваль изрек: «Ну надо же, какие оказывается у нас

есть приличные родственники!» Так они у нас тех пор и называются. "Куда сегодня идем? К приличным родственникам!"

Самые родные! Роднее не бывает. Уже четвертое покзакончили МГИМО. Учились, кстати, вместе с Евгением Примаковыми сохранили дружбу. Боречка, будучи еще аспираном, стал ученым секретарем вновь образованного в 1961г. Института Латинской Америки РАН, фактически, он и занимался подбором сотрудников и организацией работы.

Лялечка по специальности американист, практически всю жизнь проработала в институте рабочего движения.

Феерически красивая пара. Музыкальная, творческая, креативная.

У Лялечки был дивный голос - сопрано. Боречка играл, по - моему, на всех инструментах, пел, сочинял стихи и песни. На даче у него была мастерская, где он делал изумительные вещи из дерева. И это, помимо множества книг, научных статей, которых он написал.

Это потрясающая семья. Какие праздники они устраивали, со стихами, песнями и танцами! Разносторонне талантливые, глубоко образованные, интереснейшие люди. Друзья на всю жизнь!

У Ковалей была чудесная собачка Пуся - маленькая беленькая сарделька на коротеньких

лапках. Один раз, когда мы вместе ходили на лыжах, подошел мужчина и спросил: «А что за порода у вашей собачки?» Боречка серьезно сказал: «Спецзаказ Карацупы». С тех пор я часто пользуюсь этой фразой. Карацупа – легендарный пограничник с уникальной методикой воспитания служебных собак. О нём есть документальный фильм. Это человек-легенда!

Когда Анечка Коваль (третье поколение «приличных родственников») была прооперирована где-то за городом по поводу острого аппендицита, у нее началось осложнение. В бреду она бормотала: "Хочу в Ясную Полянку, хочу в Ясную Полянку!". Сначала все слегка перепугались - ребенок сбрендил, но потом поняли, что она имела в виду Большую Полянку (там находилась наша 20-я больница), куда ее и привезли, и мы ее подлечили.

Однажды Ляля с Боречкой были в гостях у друзей. Среди приглашённых была Татьяна Шмыга. (Для тех, кто не в курсе – очень известная актриса). Замечательно хорошо провели время. А когда уходили, то Лялечка спросила: "Танечка, а вам никто не говорил, что вы очень похожи на Татьяну Шмыгу?"

Все веселились.

1 стр. Лялечка и Боречка в день свадьбы и Лялечка в Америке зашла в магазин, и ее попросили попозировать. И просто замечательные фото Ляли и Бори

2 стр. Слева Ляля на кинофестивале, с Вячеславом Тихоновым.

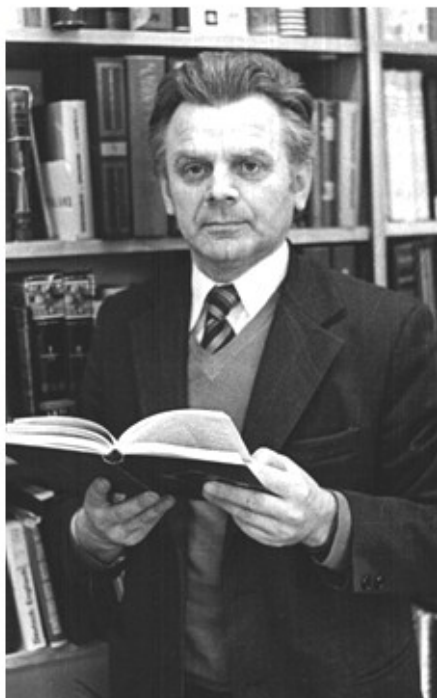
Рядом – наши музыкальные вечера.

Ниже - Боречка в своей мастерской за работой и его подарок из корня – «Лягушка просит, чтобы ее сделали царевной».

Рядом Ляля и Таня с легендарной собакой Пусей.

3 стр. Верхние фото - Ковали на праздниках с Мамайчиком и Анной Григорьевной Беляевой (Анюточкой).

Ниже – 2,3 и 4 поколения "приличных родственников": Танечка, ее дочка Анечка с детьми Викой и Максом.

Как же я люблю всех маминых друзей! Детства, юности, зрелости! Почти всех их уже нет на этом свете, но навсегда живы в моем сердце!

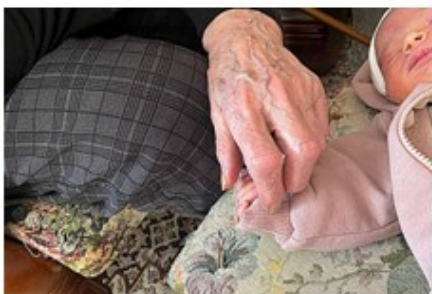
Так что, благодаря моей маме и ее друзьям у меня было очень интересное детство. Мамини друзья стали и моими друзьями. Надо сказать, что все эти люди незримо присутствуют в моей жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне очень хотелось рассказать о нашей жизни, о всех хороших людях, с которыми мы шли по этой жизни, о замечательном Мамайчике. Если кого-то забыла, извините, пожалуйста. Смотрите себя в фотоматериалах!

Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, люди поймут масштаб личности этой скромной, но сильной и целеустремленной женщины. Нравящегося человека, жизненной миссией которого всегда было служение людям, «доктора от Бога», великолепного организатора, верного друга и очаровательной женщины, прекрасной внешне и внутренне.

В этом 2025 22 мая году Мамайчику исполняется 94 года! Бог наградил ее длинной и интересной жизнью. Она дожила до счастья стать прабабушкой маленькой Уны. Жизнь продолжается!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. "Из сердца вырастает врач"

Воспоминания Маи Константиновны, записанные Ириной Медведевой. 6

ГЛАВА 2. Бухрашвили Мая Константиновна

Статья Петлаха Владимира Ильича.134

ГЛАВА 3. Мамайчик и все-все-все

Воспоминания дочери Тумановой Марины Владиславовны. .
.....144

(This area contains horizontal dashed lines for writing.)

